

ЖУРНАЛ «НЕвский БОгослов»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре) Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-39712 от 07 мая 2010 года.
ISSN 2218-7790.

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЬСТВА:

191167, Россия, Санкт-Петербург,
наб. Обводного канала, 17.
Санкт-Петербургская Духовная Академия.

ТЕЛЕФОН: +7 (812) 717-39-89

ФАКС: +7 (812) 717-86-07, 717-39-84

E-MAIL: izdatspbda@gmail.com

АДРЕС САЙТА ИЗДАТЕЛЬСТВА: izdat-spbda.info

E-MAIL ДЛЯ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ:

nebo.editor@gmail.com

АДРЕС САЙТА ЖУРНАЛА: nebo-journal.com

Тираж 5000 экз.

Подписано в печать 25.09.2017

Дата выхода в свет 06.10.2017

Цена свободная

Отпечатано в типографии ООО
«Аргус СПб»

197374, г. Санкт-Петербург, ул.
Мебельная, дом 2, лит. В, п.7-Н

Заказ № 50

ЕЩЕ О НАС:

[flickr.com/photos/spbpda](https://www.flickr.com/photos/spbpda)

[youtube.com/user/spbpda](https://www.youtube.com/user/spbpda)

[facebook.com/groups/spbda](https://www.facebook.com/groups/spbda)

vk.com/theologia_spbda

[instagram.com/spbpda](https://www.instagram.com/spbpda)

soundcloud.com/spbpda

twitter.com/spbpda

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Маляров

ФОТОГРАФИИ:

Евгений Комаров

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР:

Александр Привалко

КОРРЕКТОР:

Ольга Рыбакова

**ВЕРСТКА, ДИЗАЙН,
ДОПЕЧАТНАЯ ПОДГОТОВКА:**
Юлия Гринько, Александр Демичев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дмитрий Волужков,
Иеромонах Афанасий (Букин),
Владислав Капитонов,
Священник Игорь Иванов
Евгений Комаров

Дорогие друзья!

В этом году исполняется сто лет с начала трагических для нашей страны событий. Жернова революции, гражданской войны и массовых репрессий перемололи миллионы человеческих жизней. Среди граждан бывшего Советского Союза и их родственников вряд ли возможно найти хотя бы одного человека, чьей семьи не коснулась тем или иным образом эта трагедия. Машина, созданная для разрушения человеческих жизней, была равнодушна: не спасало ни происхождение из рабочего класса, провозглашенного первенствующим в новом государстве, ни приверженность революционным принципам, легшим в основу новой идеологии, ни членство в партии, руководившей всем процессом. А потому каждая человеческая общность по-своему отмечает память тех ее членов, которые пострадали в эти страшные годы.

Для нас, православных христиан, особенно дорога память новомучеников и исповедников Русской Церкви. Как и мученики всех веков, они знали, что, только стоя в вере непреложно, до самого конца, смогут они пережить смерть, обратив этот общий для всех удел в свою собственность, и ценой смерти купить жизнь (свт. Григорий Богослов. Слово № 16).

Последуя стопам древних мучеников, эти славные и великие мужи и жены, дети и старики, монашествующие и миряне, архиереи и священники в лютые для всего нашего государства дни ради веры в нашего Господа были готовы идти на самые страшные муки. И хотя, подобно митрополиту Казанскому Кириллу (Смирнову), многие из них считали себя только и годными, что на тюрьмы, в большинстве своем это были лучшие люди погибавшей тогда великой России. В те дни они все дышали одним, одно имели в виду, один знали путь жизни — умереть за Бога (свт. Григорий Богослов. Слово № 16).

О них можно сказать, как и о первых христианских мучениках, что «за их терпение явлено им было безмерное милосердие Христово: живые оживили мертвых, мученики простили отрекшихся и великая радость была у Девы-Матери, принявшей живыми мертвых выкидышей» (Евсевий Памфил. Церковная история. V. 1. 45). Во многом благодаря их подвигу, их молитвам после стольких лет гонений и притеснений Церковь Русская вновь вдохнула полной грудью, вновь получила возможность свободно расточать «реки воды живой» (Ин 7:38).

Большинство святых, вышедших из стен нашей Духовной академии, входят в сонм новомучеников и исповедников Церкви Русской. Обучаясь в одной с ними *alma mater*, мы стараемся чтить их память, прежде всего — в меру своих сил подражая им в их преданности Богу, искреннем служении людям, подлинной любви к своему Отечеству. И, чтобы память их жила и дальше, мы стараемся рассказывать о них миру.

Трагедии, подобные той, что пережила в начале прошлого века наша страна, забирают, как правило, самых лучших. Поэтому нам кажется важным помнить об этих людях, об их образе жизни, об их мыслях. Именно памяти новомучеников — выпускников СПбДА, а также памяти всех, кто пострадал в непростые советские годы, и посвящен этот номер. Мы надеемся, что вы не останетесь равнодушными, приобщившись к истории великих людей ушедшей от нас эпохи, тех, на чьих плечах мы стоим и чьими молитвами, верим, мы все сможем приблизиться к Богу настолько же, насколько были близки к Нему они.

Содержание

Дмитрий Карпук

Семя Церкви

4

Елена Гундяева

В семье исповедников: об отце и деде

8

Михаил Шкаровский

Петроградская Духовная Академия в
годы революции

12

Протоиерей Евгений Горячев

Русские уроки XX века

20

Александр Андреев

Гаити православный

30

Митрополит Мванзский Иероним

Моя епархия в Танзании

40

Священник Андрей Бондарев

Затерянные в Тундре:
северный дневник

46

Протоиерей Евгений Горячев

«Беглец» в кинематографе и прозе

52

Протоиерей Георгий Митрофанов

О фильме «Матильда»

56

Священник Илья Макаров

Как мы «терпим» друг друга

58

СЕМЯ ЦЕРКВИ

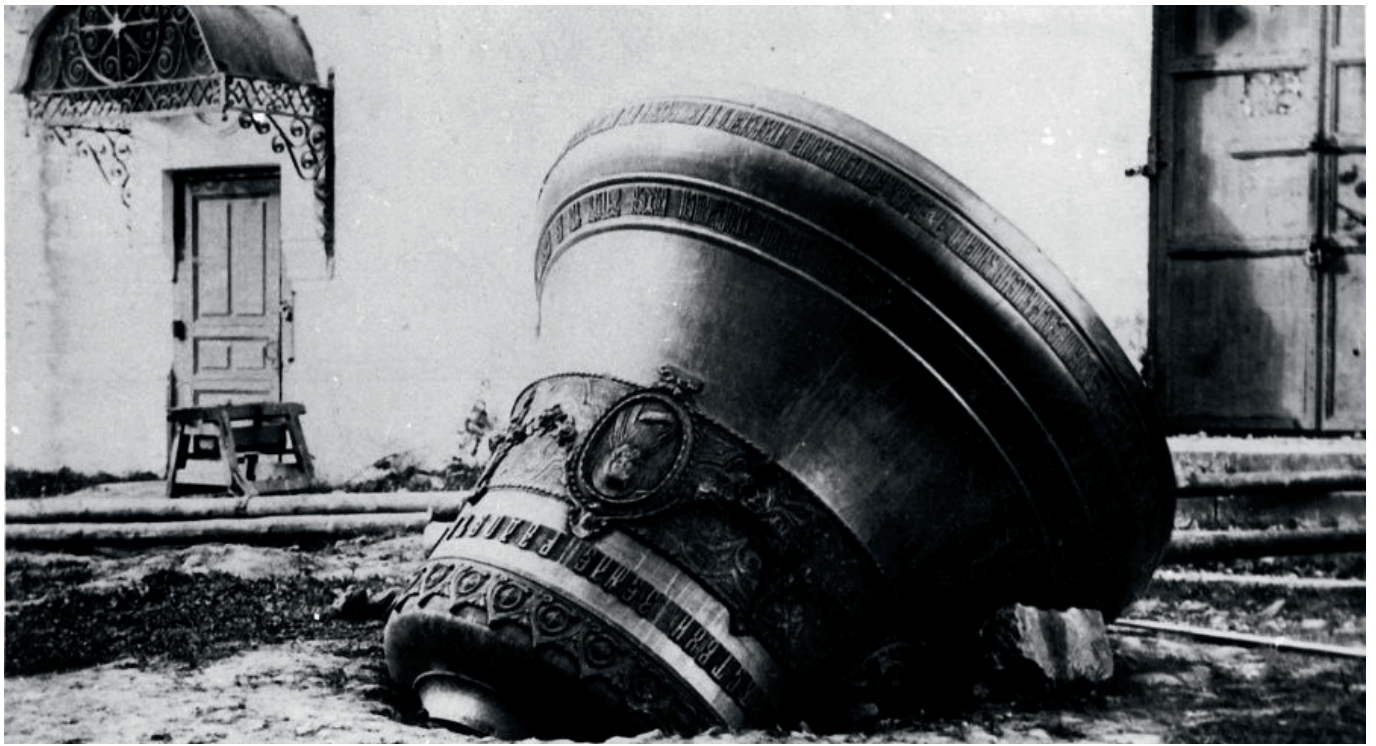
Дмитрий Карпук

7 ноября 1941 года, по указу Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина, в Москве на Красной площади в очередную годовщину великой социалистической революции состоялся военный парад. Многие подразделения, принимавшие в нем участие, с площади отправлялись прямо на передовую. И солдаты, еще утром чеканившие шаг, вечером уже героически погибали.

Двумя десятилетиями раньше там же, в Москве, проходил Поместный собор Российской Православной Церкви. По окончании соборных заседаний многие участники вернулись в свои епархии и вынуждены были также сразу вступить в бой. Но в бой иной — за поруганную Православную веру, за оскверненные святыни. Многим из них впоследствии суждено было стать мучениками. Но еще в январе 1918 г. участники этого Собора мучеников после трагических событий в Киеве, когда был убит митрополит Владимир (Богоявленский), как бы предчувствуя, что это было только началом массовых гонений и репрессий, приняли решение: «Установить по всей России ежегодное поминовение молитвенное в день 25-го января или в следующий за сим воскресный день (...) всех усопших в нынешнюю лютую годину гонений исповедников и мучеников».

Во время Великой Отечественной солдаты защищали Родину от внешнего захватчика, в предшествующие два десятилетия православные защищали свою веру от поруганий со стороны своих же соотечественников. Там находили героическую смерть в атаке, здесь — мученическую кончину в застенках НКВД. Там были герои, здесь — мученики. Но в обоих случаях страдали и умирали простые и обычные люди, каждый из которых никогда не помышлял стать героем. В повседневной жизни каждый из них был занят своими нуждами, но в экстремальных условиях проявилась их настоящая сущность. И проявлялась она зачастую в нечеловеческих условиях.

В камере, в которой согласно нормам должны были находиться двое заключенных, теперь толпились и теснили друг друга человек двадцать. Не было возможности лечь, походить,

отдохнуть. Везде были крики, плач, матерщина. Зловоние и смрад от давно немых человеческих тел и испражнений. Впритирку друг к другу стояли интеллигент и уголовник, врач и убийца, поэтесса и блудница, священник и вор. Трудно понять, что могло объединить этих людей в одном месте в одно время. Но ведь так действительно было!

Что мог думать священник, находясь в таком своеобразном окружении? «За что? Почему так произошло? Неужели самая многочисленная и могущественная на всем земном шаре Православная Русская Церковь настолько прогнила, настолько оскудела в вере и добрых делах своих архипастырей, пастырей и мирян, что не смогла остановить это безумие? Неужели не нашлось тех самых десяти праведников, чтобы вымолить у Спасителя прощение и помилование?». Сложные вопросы, над которыми можно и сейчас долго размышлять, спорить, дискутировать. Но были ли варианты ответа на этот вопрос у священника, которого через десять минут поведут на расстрел? Для него ответ был очевиден. И теперь ему кровью придется доказывать свою верность Христу!

Конечно, этот священник прекрасно знал замечательные слова Тертуллиана, которые его заставляли учить в семинарии преподаватели или профессора: «Мы побеждаем, когда нас убивают. Чем более вы истребляете нас, тем более мы умножаемся; кровь христиан есть семя». Удивительные слова! Но для многих тогдашних семинаристов, будущих священнослужителей, это была лишь еще одна цитата в длинном перечне ей подобных, которые необходимо было заучить, да еще и на латинском языке, к экзамену. Нет, не о крови христиан он думал, когда учился в духовной школе, не о мучениях и страданиях он думал, когда его в белом облачении водили вокруг престола.

Теперь же он был в камере. Страшно ли было ему? Наверное, страшно. И ему не являлся ангел, чтобы поддержать

в трудную минуту, как об этом пишется в житиях раннехристианских мучеников. Но именно здесь, в затхлой камере, среди нечистот происходило настоящее чудо, чудо преображения. И священник, который еще вчера хриплым баритоном пел панихиду и думал о тех копейках, которые он за нее получит, чтобы купить гостинец своему сынишке, сегодня становился поистине героем, готовым идти на свою Голгофу и отдать свою жизнь за Истину, за Христа. И на самый важный вопрос в своей жизни: «Веришь ли ты в Бога?», прекрасно понимая, что его ждет за «неправильный» ответ, он теперь безбоязненно и твердо отвечал: «ДА!»

И «зажравшийся поп» (как священников называла революционная агитация и пропаганда) становился семенем, еще одним семенем на бескрайних полях России: Соловки, Бутовский полигон, Ганина яма...

«Зажравшийся поп» и «мученик» — странное соотношение. Но тогда подобного рода странностей было очень много. Ленин и его компания «величайших в истории человечества гуманистов», издавая декреты об отделении школы от Церкви, Церкви от государства, были убеждены в том, что народ больше не будет ходить в храмы. Ведь до этого их заставляли туда ходить, а они дали людям свободу. И каково же было их удивление, когда в 1917–1918 гг. некогда пустые и полупустые церквушки вдруг переполнились людьми, и это в то самое время, когда уже никто не требовал от них справки об Исповеди и Причастии! С другой стороны, архипастыри и пастыри Русской Церкви обращались с многократными призывами к народу Святой Руси защитить свою веру и святыни от поругания. И каково было теперь уже их удивление, когда вчерашний народ-богоносец

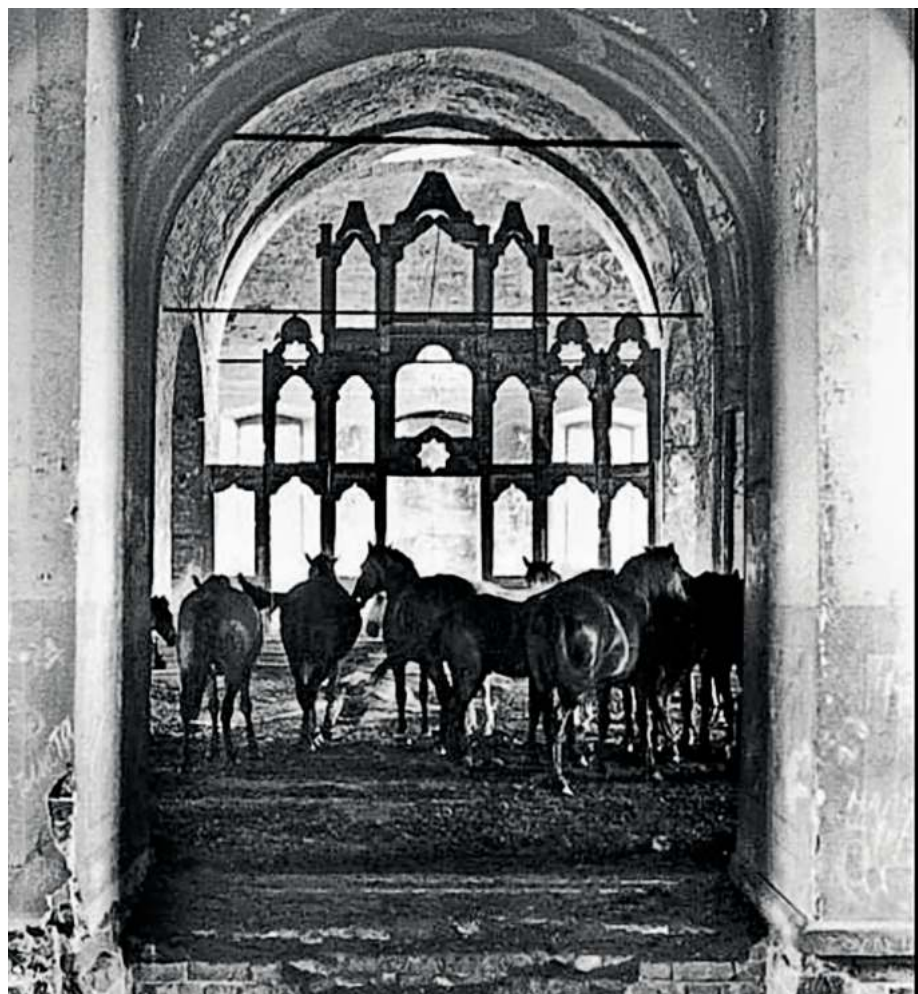
стал жечь иконы, сбрасывать колокола, разрушать церкви! И это при том, что каждый из этих богоборцев в детстве изучал в школе Закон Божий, а многие сдавали экзамен по этому предмету на «отлично».

Смутное время породило неразрешимые парадоксы, оно дало героев и трусов, мучеников и предателей, исповедников и мерзавцев. Это время поставило перед нами много вопросов, порой неразрешимых.

Но как бы то ни было, именно по молитвам новомучеников и исповедников в конце прошлого века Русской Церкви была дарована свобода — свобода веры, свобода проповеди. Другими словами, еще один шанс.

И вот сегодня новомученики и исповедники как бы обращаются к нам с призывом делать то, что делали они, но делать это лучше; исправлять их ошибки, не повторять и не делать новых! Ведь в противном случае история также может повториться. И тогда вновь начнут ставить к стенке. Вот только когда будет передернут затвор и навстречу нам полетят девять граммов свинца, сможем ли мы найти в глубинах своей души столько мужества и веры в Господа Бога, столько любви к врагам и молитвенной стойкости, чтобы искренне и от всего сердца, подобно многим новомученикам, которых мы сегодня молитвенно прославляем, сказать: «Прости им, Господи, ибо не ведают, что творят»?

Конечно, никому не хочется, чтобы наши соотечественники, а с ними и мы, вновь переживали подобный ужас. И чтобы история не повторилась, необходимо здесь и сейчас делать все возможное, чтобы соответствовать своему высокому званию — Христианин.

В СЕМЬЕ ИСПОВЕДНИКОВ: ОБ ОТЦЕ И ДЕДЕ

Елена Гундяева

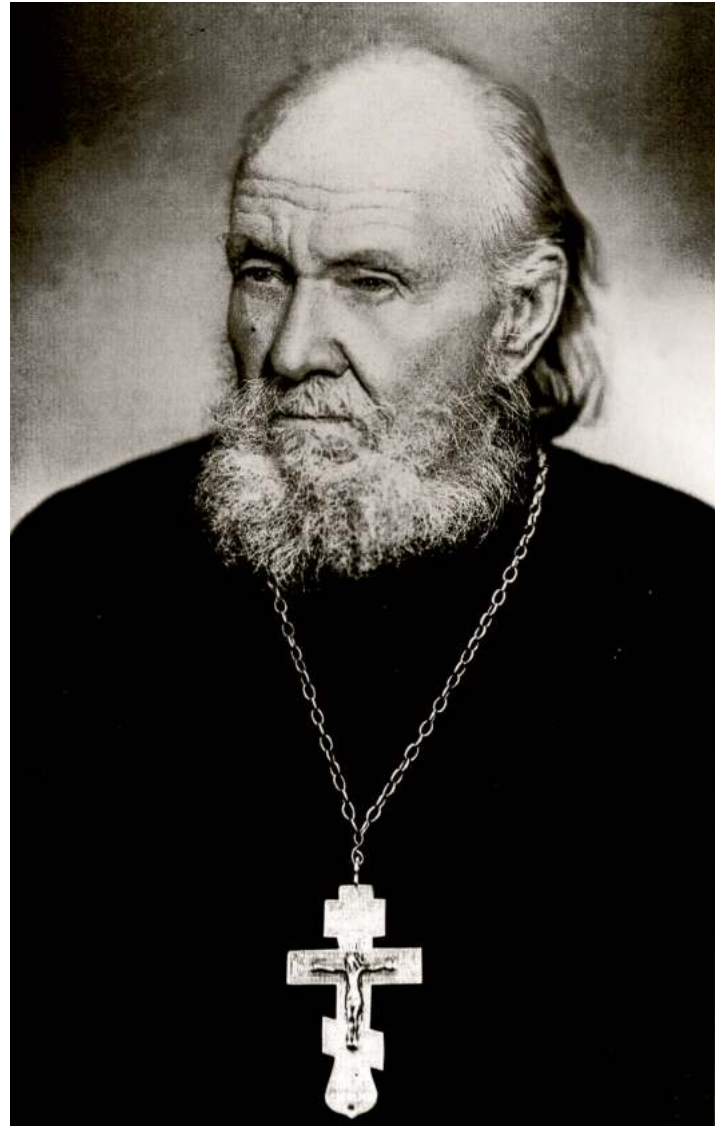
Елена Михайловна, было ли в Вашей семье принято вспоминать о трудностях, пережитых Вашими отцом и дедом, вспоминать их исповеднический путь?

Папа много рассказывал о своем заключении, и мы с детского возраста были в курсе всех перипетий и невзгод, которые пережила наша семья. Также хорошо знали, через что прошел наш дедушка. Вообще вся история нашей семьи была чем-то очень важным и сокровенным. Всякий раз, когда дедушка приезжал, мы видели перед собой живой пример служения Господу. Поэтому, когда в первом классе школы перед нами встал вопрос, вступать ли в октябрята, мы, несмотря на юный возраст, уже знали, что выберем один-единственный путь — путь наших родителей. Это было твердое решение, хотя отец и сказал тогда, что он ни на чем не настаивает, ведь в то время этот путь был очень непростым — мы становились своего рода париями. Но надо сказать, что одноклассники нас сильно уважали за такой выбор, поскольку они впервые столкнулись с людьми, которые не боятся своего мировоззрения и готовы отстаивать то, во что они верят.

Что Вы знали о пути своего дедушки?

Конечно, про него мы все же знали меньше, чем об отце. Знали, что с 1923 года его постоянно арестовывали, что он был одним из первых поселенцев ГУЛАГа, что принял сан на 71-м году своей жизни и не имел права служения в больших городах.

В Соловецком лагере дедушка был не один раз. Поскольку он хорошо умел общаться с людьми и убеждать, то правящий архиерей благословил его возглавить местное движение против обновленцев. Это расценили как антисоветскую деятельность. Так он впервые попал в ГУЛАГ — в 1923 году. После каждого срока он возвращался к себе домой и обязательно боролся за какой-нибудь храм. Для этого было нужно ехать в Москву. Он ведь был железнодорожником высокого уровня, значит,

считался рабочим классом, поэтому его принимали в столице, — и он добивался того, что какое-то время храмы оставались открытыми. Но после такого ходатайства дедушка отправлялся в очередную ссылку или в тюрьму. Срок проходил, он возвращался домой, и всё повторялось.

Все эти отсидки дедушке вспомнили, когда он принимал сан. Это стало поводом, чтобы запретить ему служить в крупных городах. Но для него это не играло никакой роли — куда Церковь посылала, там он и служил. Ходил на требы за 15–20 километров. Как он это выдержал? Очевидно, что Господь сохранил ему здоровье и помог все это претерпеть.

А отец?

Папа был по-настоящему сыном своего отца. Он работал ведущим инженером и, будучи уже взрослым мужчиной, имея двух детей, он отказался от всех привилегий своего положения и попросил митрополита Григория (Чукова) о рукоположении. Он стал самым молодым священником епархии, и владыка отправил его служить в храм Смоленской

иконы Божией Матери на Смоленском кладбище. Прошло совсем немного времени, как власти обложили папин приход огромным налогом, а потом и вовсе наложили арест на его зарплату. Мы — дети — это прекрасно запомнили, потому что надо было как-то жить, но у нас просто не было, на что. На фоне всех невероятных трудностей нашей жизни потрясло папино отношение к священническому служению. Он не отказывался ни от одной требы. Ходил причащать на дому, отпевал и венчал, хотя по закону этого нельзя было делать. Тогда с требами было трудно — всё было под запретом. Нельзя было крестить детей без предъявления паспорта. А если подаешь паспорт, тебя вычисляют и могут лишить работы. Поэтому папа, как ныне молодежь говорит, «забивал» на это и шел крестить на дом.

Он вообще много кому помогал. После его смерти мы нашли такой крупный дневничок, где он вел записи о том, кому и сколько он ежемесячно материально помогал. И таких людей было много. Папы не стало в 1974 году. Сегодня у нас 17-й год другого века, а у него на могиле даже зимой можно увидеть живые цветы — кто-то приходит и приносит, благодаря за ту помощь. А помогал он ведь

не только материально, но и советами, Исповедью и, конечно же, проповедями, которые у него были совершенно удивительными. Можно сказать, что это было на генном уровне, ведь и дедушка прекрасно проповедовал, еще даже не будучи священником.

Елена Михайловна, а ска- зывалось ли в их жизни и пастырском служении отсутствие системати- ческого образования?

В церковных дисциплинах и богословии дед был самоучкой. Но когда я с дедушкой общалась, то совершенно не чувствовала, что это человек без высшего церковного образования. Папа же действительно учился всю жизнь. Вначале техникум, потом институт, а как только у него появилась возможность, он поступил в Духовную академию на заочное и защитил работу. Ему тогда было больше шестидесяти лет. Мама порой говорила так: «Я очень хорошо изучила спину своего мужа!» — просто папа либо служил, либо сидел за письменным столом и учился, либо ходил помогать людям.

Несмотря на то, что богословское образование папа получал только на Высших богословских курсах в Ленинграде, он был очень эрудированным человеком. Тогда церковная литература не ценилась и ее отдавали даром или за гроши. И папа собрал так большую библиотеку, которая при этом не стояла мертвым грузом. Он читал все эти книги.

Кстати к разговору об образовании и квалификации, дедушка уже до революции был машинистом высокого класса — водил литерные поезда на дороге фон Мекк. Тогда подобных специалистов было мало и они получали великолепную зарплату. Дед же умудрялся все деньги отправлять на Афон — недавно, во время визита на Святую гору, брат увидел запись об этих пожертвованиях. Во время революции все те машинисты и инженеры потеряли свое имущество, а нередко даже лишались жизни. А у дедушки ничего и не было, кроме молитвы афонских монахов. И мы все выжили.

Как мама справлялась с таким образом жизни?

Мама соответствовала отцу — тоже была несгибаемой. Когда папу забрали за несколько дней до свадьбы, она сразу поняла, куда его забрали. И вот эта хрупкая, интеллигентная и деликатная женщина отправилась в Большой дом, нашла следователя, который вел папино дело, и добилась свидания. Сложно представить, насколько трудно ей это далось — всё-таки был 34-й год. Благодаря этому они с папой повидались, смогли проститься и она его утешила. А потом три года ждала. Причем, будучи очень симпатичной барышней, она никуда не ходила и ни с кем особо не общалась — ждала его. А потом, когда мама стала женой священника, ей запретили работать и она всю себя посвятила поддержке мужа и воспитанию детей. Пройти тот путь мог только очень сильный, целеустремленный и религиозный человек. Мама проявляла себя в этой труднейшей ситуации просто как героическая женщина, не давая отцу повода отчаиваться. Она принимала этот крест, разделяла его с папой, и Господь нас оберегал. Хотя мы и жили очень скромно, они всегда находили повод для радости и были удивительной парой.

Отец и дедушка ведь сами себя точно не считали ис- поведниками... Как же они воспринимали свои по- стоянные заключения?

Вы знаете, для них это была жизненная позиция. Они этим жили и не могли иначе. Они должны были бороться, потому что Церковь страдала. Бабушка как-то сказала деду: «Ну всё. Теперь тебя посадили и мы погибнем!». А он ответил: «Пока я страдаю за Христа, вы все будете живы!». У него была совершенная преданность воле Божией и вера, что Господь сохранит его семью.

С властью никто из них не боролся, потому что власть от Бога и ничего с этим не поделаешь. Господь попустил, значит, надо было это терпеть. Но свои взгляды оставались, и была твердая позиция, которую дед однажды умудрился высказать Калинин. В один из своих визитов в Москву он вновь добивался, чтобы правительство не закрывало

какой-то храм. Тогда он и пересекся с председателем ВЦИКа. Тот был настолько потрясен целеустремленностью дедушки, что позже они встретились в неформальной обстановке за ужином. В конце беседы Калинин сказал другим гостям: «Вам не напоминает позиция Василия Степановича нашу позицию, когда мы боролись за свержение монархии? Вам не напоминает всё это революционный порыв и подвиг революционера?». На что дед ответил: «Нет, вы ошибаетесь, я не революционер. Когда вы боролись и делали революцию, вы имели кров, хорошо питались и одевались. У меня же нет ни еды — я голодаю, ни одежды — я плохо одет, ни средств, ни кровя над головой. Так что мы разные люди».

**Сейчас для нашего поколения
они — герои. Кем они были тог-
да лично для Вас?**

Прежде всего, это родные люди. Знаете, может, с моей стороны будет смело так говорить, но я их

абсолютно понимаю. Только так они и могли поступить, и другого пути не было. Или так, или в душе будет что-то размытое, а не вера в Господа, в Его Промысл. В те годы я встречала очень серьезных священников, у которых в то же время не было такого стержня, и они немножко пасовали перед властью то в одну, то в другую сторону. Ни дед, ни папа так не могли: они шли вперед, не давая ни малейшей слабину, чего бы им это ни стоило, потому что твердо верили, что это дело Божие и только так и нужно служить. То есть это были люди, которые полностью отдавали себя воле Божией и боролись за то, чтобы Церковь существовала.

Мне трудно передать, как я к ним отношусь... Разве что могу сказать, что они для меня всё — без них нас бы и не было или мы были бы совершенно другими людьми.

С Е.М. Гундяевой беседовал Владислав Капитонов

ПЕТРОГРАДСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ

Михаил Шкаровский

К началу революционных событий 1917 г. столичная Духовная Академия находилась на вершине своего двухвекового развития. Она насчитывала около 300 учащихся, а общее число воспитанников Академии, семинарии и Духовного училища на территории Александро-Невской Лавры превышало 1000 человек. В числе профессоров Академии была целая плеяда выдающихся ученых — богословов и церковных историков: Н.Н. Глубоковский, А.И. Бриллиантов, Н.И. Сагарда, П.Н. Жукович, И.П. Соколов, Б.В. Титлинов, И.Е. Евсеев, С.М. Зарин, протоиереи Александр Рождественский, Василий Верюжский и др.

События Февральской революции 1917 г. непосредственно не отразились на деятельности Петроградских Духовных школ. Вскоре после свершившихся изменений государственного строя России, Совет Академии на своем заседании 20 марта в соответствии с докладом ректора епископа Анастасия (Александрова) выработал и принял обращение к председателю Совета министров князю Г.Е. Львову следующего содержания: «Петроградская Духовная Академия, приветствуя облеченное всею полнотою власти Временное Правительство, просит принять уверение в полной готовности Академии и в дальнейшем, в подчинении Временному Правительству, честно служить, на благо дорогой родины, Православной Церкви и богословской науки, которая от своих корней питает и укрепляет духовно-нравственную жизнь многих десятков миллионов русских людей».

Однако через несколько месяцев взаимоотношения Православной Церкви и государства в России начали существенно меняться. С падением монархии в стране определяющим стал правительственный курс на создание светского государства, постепенно ведущий к разрыву связей с Церковью. Первым законодательным актом, направленным на разрушение существовавшей ранее системы религиозного образования и воспитания, стал закон Временного правительства «О передаче церковно-приходских школ, построенных и содержавшихся на средства верующих Министерству народного просвещения» от 20 июня 1917 г. принцип светскости государства нашел свое воплощение и в законе Временного правительства «О свободе совести» от 14 июля 1917 г., разрешавшем детям, достигшим 14-летнего возраста, самостоятельно выбирать вероисповедание.

Существенные изменения затронули и богословское образование. Его будущее обсуждалось на епархиальных съездах, Всероссийском съезде деятелей Духовной школы в Москве (25–31 мая) и на Всероссийском съезде духовенства и мирян (1–12 июня). В церковной печати того времени высказывались различные точки зрения: предлагалось обособление общеобразовательной школы от богословско-пастырской, проведение реформ в духе специально-пастырских учебных заведений или сохранение типа единой школы применительно к уставу 1867 г.

Весной 1917 г., в связи с планируемым созывом Всероссийского Поместного Собора, в Петрограде была собрана комиссия представителей Духовных Академий для выработки проекта нормального устава последних, который через Святейший Синод предполагалось передать для соборного рассмотрения. Этот проект, разработанный 8 мая – 5 июня и собравший в себя все основные пожелания деятелей русского богословского образования, был принят Всероссийским Поместным Собором в качестве «Определения об основных началах преобразований и введении в действие

новых штатов православных Духовных академий» от 20 апреля 1918 г.

В данном документе говорилось о ставропигиальности Духовных академий, то есть о подчинении их высшему церковному управлению, помимо епархиальных архиереев, о выборности должностных лиц и членов корпорации, открытом характере преподавания и допущении женщин в качестве вольнослушателей. В целях повышения научного уровня выпускников Академий в основу организации учебного процесса была положена специализация по пяти группам: 1) библейской; 2) богословско-философской; 3) церковно-исторической; 4) филологической; 5) церковно-практической.

Между тем в Петроградских духовных школах весной 1917 г. завершился очередной учебный год. В семинарии в этом году оказалось только 12 выпускников. Летом 1917 г. в Петроградской духовной академии был удостоен степени магистра богословия за труд «Церковный суд в России до издания Соборного Уложения Алексея Михайловича 1649 г. Историко-каноническое исследование» ее выпускник 1914 г. иеромонах Николай (Ярушевич), будущий митрополит Крутицкий и Коломенский.

Тем временем революционные события начинали влиять на деятельность Духовной академии. В июле 1917 г. в Митрополичьем саду размстилась воинская часть, прибывшая для подавления выступления большевиков по железнодорожной ветке, временно проложенной через сад для доставки раненых с фронта в лазареты, расположенные в этой части города.

Несмотря на революционные потрясения, в Академии продолжалась научная работа. Так, например, перед Всероссийским Поместным Собором 1917–1918 гг. профессором Академии по кафедре церковнославянского языка и палеографии И.Е. Евсеевым ставился вопрос о пересмотре существующего русского Синодального перевода Библии в плане возвращения его в русло кирилло-мефодиевской традиции.

В августе 1917 г. в Москве начал свою работу Всероссийский Поместный Собор, на который были делегированы в том числе и представители профессорско-преподавательской корпорации Петроградской академии. В середине сентября 1917 г. вернувшийся на несколько дней в столицу с заседаний Поместного Собора митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский) посетил все духовно-учебные заведения города, включая Академию и семинарию.

После избрания на патриаршество митрополита Тихона (Беллавина), выпускника Санкт-Петербургской академии, ее Совет 24 ноября 1917 г. принял обращение к новоизбранному святейшему патриарху, в котором отмечалось: «Памятуя безраздельную преданность Вашу воле Божией и Церкви в течение всего служения Вашего Церкви, Вашу всегда просвещенную проникновенность в учение и заветы Церкви, в ход и направление церковной и общественной жизни, Академия твердо уповает, что Ваше Святейшество, как опытный кормчий, найдете, при помощи Божией, должные силы и способы, чтобы провести в настоящее трудное время корабль Церкви среди бушевающих ее много-различных испытаний, чтобы внести успокоение и мир в души страждущего православного русского народа, вдохнуть, по примеру достопамятного предшественника Вашего на первосвятительском престоле святителя Ермогена, дух единения и братского согласия во всех сынах изболевшегося нашего Отечества, чтобы святое Православие и имя Русское, на радость грядущим потомкам нашим, снова воссияли на основе

исконных устоев богохранимой Державы Российской... Как стоящая на чреде научного служения Св. Церкви и родине, родная Вашему Святейшеству Академия с особенным усердием молит Ваше Святейшество принять под свое первосвятительское покровительство нужды и потребности духовной науки и духовного просвещения — этих необходимых основ для дальнейшей жизни и преуспевания и Церкви, и Отечества».

Радость администрации, всех преподавателей и студентов Академии по поводу избрания патриарха была омрачена внешними обстоятельствами, связанными с военными действиями. Осенью 1917 г. возникла угроза наступления немецких войск на Петроград. В связи с этим появился план возможной эвакуации Духовных школ. Первоначально местом для нее была выбрана Казанская академия. В столичной

Академии активно готовились к переезду. Исполнявший должность ректора профессор С.М. Зарин на заседании Совета Академии 6 октября 1917 г. сообщил о тех мерах, которые предпринимались «для осуществления подготовки имущества, прежде всего библиотечного к эвакуации»: Заготовлено в Академии академическим столяром 22 ящика, 92 ящика приобретено готовыми и на 500 ящиков сделан заказ. Упаковка рукописного отдела уже начата под руководством проф. И.Е. Евсеева, коего Совет просил и в дальнейшем иметь наблюдение за производством упаковки рукописей». В дальнейшем пунктом возможной эвакуации вместо Казани был намечен Харьков, но в конечном итоге переезд вообще не состоялся.

Вскоре прекратил свое существование лазарет Красного Креста № 279 на 150 раненых и больных воинов, занимавший с сентября 1915 г. помещения Антониевского Духовного училища, больницы и южной части здания Академии, 4-й этаж семинарии и некоторые другие постройки. 9 марта 1917 г. заведующим лазаретом был назначен лаврский послушник Иван Докучаев, заканчивавший учебу в Духовной академии. С осени 1917 г. лазарет № 279 стал постепенно сворачивать свою работу, закрыт же он был 5 апреля 1918 г.

С первых дней Октябрьского

переворота 1917 г. стал завязываться трагический конфликт Русской Православной Церкви с новой властью. Уже вскоре возникла угроза полной ликвидации богословских учебных заведений столицы. 11 декабря 1917 г. Совет народных комиссаров издал декрет о передаче всего дела воспитания и образования из Духовного ведомства в ведение Народного комиссариата просвещения, в том числе Духовных академий и семинарий.

Внешние условия их существования также определил декрет Совнаркома РСФСР от 20 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (опубликованный 23 января). Таким образом, советская власть полностью отказывала Церкви в возможности организованного влияния на молодое поколение путем школьного обучения. В дальнейшем этот декрет стал основанием для ликвидации семинарии. Перед Церковью встала сложная задача перестроить всю систему духовного образования, чтобы сохранить ее в новых условиях.

Российская Церковь восприняла антирелигиозные декреты советской власти как начало гонений. Первым программным документом, призванным сориентировать деятельность духовенства и церковных структур в сложившейся ситуации, стало постановление патриарха Тихона и Священного Синода «О деятельности церковно-административного аппарата в условиях новой государственной власти» от 28 февраля 1918 г. В нем руководство Церкви призвало свою паству к «защите попираемой свободы веры Православной». Особое место в документе занимает положение «Об учебных заведениях», которое предписывало преподавательскому составу и служащим Духовных школ, учащимся и их родителям «сплотиться в союзы для защиты учебных заведений от захвата и обеспечения дальнейшей их деятельности на пользу Церкви и православного народа».

В том же месяце доцент Петроградской духовной академии А.И. Сагарда на страницах «Церковных ведомостей» опубликовал статью, в которой в духе Соборных постановлений и воззваний писал о том, что декрет от 20 января направлен на порабощение религиозной совести народа и своей целью имеет ее полное уничтожение: «В стране, покрытой на трудовую копейку тысячами православных храмов, монастырей, часовен, в стране, многомиллионный

народ которой призывает благословение Церкви на брак, рождение детей, обращается к ней за молитвой во все дни своей жизни и напутствием в последний земной путь,—провозглашается отделение Церкви от государства, и последнее, как грезится Совету народных комиссаров, под непрерывную стрельбу пулеметов, стоны убиваемых, дикий разгул пьяных орд, носит безусловный атеистический характер».

Первоначально после выхода декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» Всероссийский Поместный Собор предполагал «оставить духовные семинарии и училища в прежнем административном строе, предоставив Высшему Церковному Управлению произвести в нем необходимые улучшения соответственно основным задачам служения их Церкви Христовой». Однако по мере нарастания изменений общественно-политической жизни все более ясной становилась необходимость преобразования системы богословского образования, и Соборный отдел о духовно-учебных заведениях принял следующие положения: «1. Задачи пастырского служения по самому его существу и, особенно, в переживаемое время требуют от кандидатов священства высшего богословского образования. 2. Для осуществления этого необходимо увеличение числа Духовных Академий и улучшение

правового и материального положения духовенства...».

При Высшем Церковном Управлении была образована особая общецерковная казна для покрытия расходов по содержанию личного состава духовно-учебных заведений, по 14 сентября 1918 г., так как все церковные учреждения с 1 марта полностью лишались государственных субсидий. Принятое же решение об увеличении числа Духовных академий осталось неосуществленным.

Помимо антицерковного курса советского правительства сильное негативное влияние на деятельность Духовных школ оказывала острая нехватка финансовых средств. Смета на содержание Петроградской академии в 1917 г. при 306 преподавателях и учащихся составила 250 тысяч рублей, а на следующий год найти такие средства не представилось возможным, епархиальная казна была почти пуста. Не слишком большую помощь могли оказать и высшие органы церковного управления.

Ухудшение материального положения профессорско-преподавательского состава и изменение общей ситуации в стране и на фронте стали причинами того, что на заседании Совета Академии от 21 декабря 1917 г. было рассмотрено предложение профессора Б.В. Титлинова: «Ввиду прекратившихся военных действий, — не найдет ли Совет Академии благовременным войти

в суждение по вопросу о прекращении ежемесячного сбора на Красный Крест с профессоров и других должностных лиц Академии». По итогам обсуждения было принято решение прекратить производство существовавших с начала Первой мировой войны вычетов на Красный Крест из жалования членов корпорации с 1 января 1918 г.

Уже вскоре, на заседании Совета Академии от 12 января 1918 г., ее ректор епископ Ямбургский Анастасий сообщил: «Приближается время выдачи жалованья за январь месяц 1918 г. Между тем, несмотря на настоятельные просьбы, Хозяйственное Управление [Синода] в счет сметных ассигновок на содержание Академии в 1918 г. доселе ничего не выслало и в ближайшие дни, во всяком случае, не вышлет». Но, несмотря на создавшиеся материальные трудности, на заседании Совета 17 января было подчеркнуто, что «для Академии необходимо спокойно и неуклонно продолжать исполнение своего долга перед Церковью и духовной наукой».

Еще почти год продолжалась активная деятельность Совета. Так, например, 17 января 1918 г. Совет заслушал отчет профессоров И.Н. Глубоковского и И.Е. Евсеева о «поездке в Москву к патриарху Тихону для представления о создавшемся ввиду политических событий критическом положении Академии и о средствах для поддержания Академии». На том же заседании было

одобрено прошение студентов IV курса «назначить устные испытания... в возможно ближайший срок, а именно начать их с первых чисел февраля», студенты I-III курсов просили окончить текущий учебный год к марту.

26 января, учитывая, что в 1917 г. скончались семь почетных членов Академии, Совет избрал в новые почетные члены академика наук и профессора Петроградского университета П.К. Кокцовца, профессора Киевского университета Ю.А. Кулаковского и ревнителя народного просвещения на Алтае и в Сибири П.И. Макушина. На этом же заседании почетным членом Академии был избран митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин «в уважение к доблестному архипастырскому служению его...». Следует еще раз упомянуть, что в январе 1918 г. в Киеве погиб почетный член Петроградской Академии священномученик митрополит Владимир (Богоявленский). Преподаватели и учащиеся Академии также особо с благоговением поминали двух ее выпускников: первомученика протоиерея Иоанна Кочурова, убитого в Царском Селе в дни октябрьского переворота, и священномученика протоиерея Петра Скипетрова, смертельно раненого при нападении красногвардейцев на Александро-Невскую лавру 19 января 1918 г.

26 января ректор епископ Анастасий получил из Комиссариата народного просвещения предложение приехать

в это ведомство «для выяснения вопроса о дальнейшем существовании Духовной Академии». На экстренном заседании Совета 27 января 1918 г. владыка сообщил о том, что «на запрос Отдела высших учебных заведений: "Как академия предполагает теперь существовать ввиду состоявшегося уже декрета 11-го декабря 1917 года о переводе ее в Комиссариат Народного Просвещения?" он ответил: "Академия, находясь в тесном и неразрывном союзе с Церковью и стоя вне политики, занималась и занимается исключительно научной разработкой богословия и связанных с ним научных дисциплин. Несмотря на крайне трудные обстоятельства, академия проводит по своим предметам и теперь, хотя и сокращенный, учебный курс со студентами, каковые подходят к концу, и близятся уже экзамены".»

17 февраля состоялся традиционный годичный акт, на котором был зачитан отчет о деятельности Духовной академии в 1917 г. В эти же дни — в середине февраля, согласно газетным сообщениям, для прояснения вопроса о дальнейшей судьбе Академии епископ Анастасий и профессор С.М. Зарин посетили Смольный. Здесь им был задан вопрос: «Саботирует ли Академия?» Ректор ответил, что занятия идут все время нормальным путем и что в марте по старому стилю учебный год будет закончен. Тогда ректору было предложено представить мотивированную смету

на три месяца. Епископ сказал, что такая смета представлена уже в Хозяйственное управление при Синоде, но ему было указано, что это управление ныне не функционирует, а предложили представить дубликат сметы. Ректор согласился. В заключение последовало предложение заняться вопросом о преобразовании Академии в богословский факультет при университете, причем в этом случае гарантировалась полная неприкосновенность зданий и имущества Академии.

К тому времени уже начался период активных переговоров с Петроградским университетом. План объединения Духовной Академии с университетом был предложен столичной профессурой в самом начале 1918 г. с целью спасти высшее богословское образование в столице, причем первоначально объединение задумывалось в виде «унии», при которой бы Академия сохранила «духовный союз с Православной Церковью», свои помещения, а также автономию «строю и быта».

Учебный процесс в Академии завершился в марте 1918 г., ее последний выпуск составил около 30 человек, причем степени кандидата богословия были удостоены 22 выпускника. 7 июня состоялась последняя защита магистерской диссертации — сочинения Н.В. Малицкого «Евхаристические споры на Западе в IX веке».

В июне 1918 г. члены корпорации и учащиеся Академии торжественно

встретили приезжавшего в Петроград святейшего патриарха Московского и всея России Тихона. Вечером 3/16 июня первосвященитель посетил Духовную Академию, в храме св. Двенадцати апостолов его встретили профессора и студенты. После храма патриарх в сопровождении митрополита Вениамина и членов профессорской корпорации побывал в зале заседаний Совета.

Осенью 1918 г. власти начали постепенную реквизицию помещений Академии. 12 декабря состоялось последнее заседание ее Совета, на котором был оглашен указ Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего Церковного Совета от 1 ноября 1918 г. о невозможности для Высшего Церковного Управления ассигнования с 1919 г. средств на содержание Академии.

Так и не осуществилось объединение Духовной Академии с университетом. Из-за отсутствия финансовых средств и ввиду того, что ее здание было передано другой организации, Петроградская Академия в декабре 1918 г. прекратила свою деятельность. Это стало тяжелой утратой для всей Русской Православной Церкви.

В дальнейшем более 40 преподавателей и выпускников Академии стали новомучениками и были прославлены в лике святых.

РУССКИЕ УРОКИ XX ВЕКА

Протоиерей Евгений Горячев

Учитывая, что совсем скоро наша страна будет отмечать свой самый противоречивый национальный юбилей — столетие октябрьской революции, — я хотел бы коснуться в этой статье сразу же нескольких актуальных тем.

Во-первых, темы церковной, поскольку данный юбилей совершенно по-особому должен восприниматься именно священниками. Во-вторых, государственно-общественной, поскольку любой православный священник, будучи чадом Христовой Церкви, является вместе с тем гражданином той страны и частью того национального социума, среди которого ему приходится жить и трудиться.

Как сын Русской Православной Церкви я, естественно, не могу не ужасаться тому, что случилось с ее пастырями и паствой в трагичном XX столетии.

Вот лишь несколько сухих общеизвестных фактов.

Накануне революции в России было около 56 000 приходов и более тысячи монастырей. Духовенство, включая монашескую, насчитывало приблизительно 142 тысячи человек; архиереев на 1 марта 1917 года было 179.

Из этого числа к 1939 году не менее 100 тысяч священнослужителей было физически уничтожено, при этом на свободе оставались не более трехсот священников и монахов, два митрополита и два архиепископа. Остальные сидели в лагерях.

Из 56 тысяч православных храмов и монастырей к 1939 году в стране осталось чуть более 150 приходских церквей и ни одного монастыря.

«Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли»

(Быт. 4:10)

В итоге — самая большая в мире! — поместная Российская Православная Церковь к началу Второй мировой войны практически перестала существовать. Но это всего лишь цифры. А вот что за ними стоит.

В 1913 году в письме к Горькому Ленин еще только теоретизировал по поводу своего отношения к миру запредельного: «Всякий боженька есть тру-положество... Всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке есть невыразимейшая мерзость». Но в 1922 году, находясь на вершине власти, вождь мирового пролетариата был уже гораздо практичнее: «Нам во что бы то ни стало необходимо провести изъятие церковных ценностей самым решительным и самым быстрым образом, чем мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей... Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать».

Однако как большевик-богоборец Ленин не был одиночкой. Вокруг него сплотились соратники под стать своему вождю. Приведем еще одну показательную цитату, на этот раз принадлежащую советскому наркому просвещения Луначарскому: «Религия, как гвоздь: если бить ее по шапке, то она входит все глубже, и можно, наконец, так забить ее в стену, что потом нельзя выдернуть. Тут нужны клещи. Нужно обхватить религию, зажать ее снизу, не бить, а устранять, выдергивать с корнем, и это может быть сделано только научной пропагандой... воспитанием масс, в частности подрастающего поколения, реконструкцией всего дореволюционного быта».

Вот они и взялись за дело с обеих, так сказать, сторон: одни били Церковь «по шапке», уничтожая религиозных людей физически, другие обхватывали и выкорчевывали многовековой христианский жизненный уклад клещами атеистической пропаганды.

В результате этой осмысленной многопрофильной деятельности большевиков Россия превратилась в арену чудовищных, беспрецедентных в истории антирелигиозных злодеяний.

Говоря о «физическом уничтожении» православно-го духовенства, хотелось бы напомнить читателям, что репрессии, в основе которых лежала классовая ненависть, не могли быть и не стали для революционеров только безучастными «механическими»

расстрелами. Нет, большевики делали выводы из своего отрицания веры со страстью, подходя к делу весьма творчески, почти в экстазе.

Отец Иоанн Кочуров, пресвитер царскосельский и первый новомученик российский, был большим оптимистом. На предложение покинуть в 1917 году Царское Село вместе с отступающими казачьими частями священник ответил: «Мы исполним свой долг до конца. И ушли от нас, и идут к нам — братья наши. Что они сделают нам?» В итоге вначале отца Иоанна пришедшие в Царское Село «братья» прилюдно избили, затем застрелили, и уже мертвого стали колоть штыками (жена обнаружила на его рясе 17 штыковых отверстий).

Зачем? За что поступили с ним таким образом, «братья наши»?

Архиепископа Пермского Андроника такие же «братья» заставили собственноручно вырыть себе могилу. Долгое время закапывали владыку живьем, затем, в еще поднимавшуюся и опускавшуюся землю, начали стрелять.

Сильвестра (Ольшевского), архиепископа Омского и Павлодарского, «наши братья» вначале распяли, прибив его руки гвоздями к полу, затем долго прижигали тело несчастного раскаленным железом, а потом красным от жара шомполом проткнули владыке сердце.

23 мая 1918 года в станице Тишанской красноармейцами был захвачен псаломщик Иоанн Мелихов. На следующий день односельчане обнаружили его мертвым, совершенно раздетым, с массой штыковых ран и отрезанными половыми органами.

Священник Марие-Магдалинского монастыря Григорий Никольский 27 июня 1918 года после Литургии, за которой он причащал молящихся, был выведен красноармейцами за ограду монастыря и там убит выстрелом из револьвера в рот, который его заставили открыть со словами: «и мы тебя причащаем».

В станице Мигулинской в местной церкви большевики устроили «венчание священника с кобылой». К морде лошади, приведённой в церковь, подносили крест, как бы давая прикладываться. Гремел оркестр, священника и его жену заставили танцевать, и в конце концов расстреляли.

В Полтаве и Кременчуке чекист Гришка по прозвищу «Проститутка» (видимо из уголовников) в один день посадил на кол 18 монахов...

И так далее.

Подобные случаи «творческого» поведения тех, кто объявил декретом 1918 года свободу совести, а точнее — свободу от совести, очень многочисленны.

Зачем? За что? Ум отказывается в это верить, но факты — задокументированные, снабженные свидетельствами очевидцев, — увы, подтверждают, что это действительно было, было с нашим народом, было в нашей стране...

Возникает вопрос: кто это делал? Может быть, красные евреи, латыши, мадьяры, китайцы? — Да, они это делали. Но не надо переоценивать зверские усилия ограниченных иноверческих наемных групп в безграничной православной стране.

...Из письма красноармейца (явно не иноплеменика) к родным в деревню: «Затем мы наступали и меня ранило в левую руку, эта рана была лёгкой, два пальца вышибло. А когда мы вошли в Персяновку, то не щадили никого. Били всех. Мне тоже пришлось застрелить попа одного. А теперь мы все ещё продолжаем ловить этих чертей в Новочеркаске и бьём их как собак».

Один из исследователей той эпохи с горечью пишет: «История должна отметить неоспоримый факт, что в 1922 году русские, некогда православные солдаты, громили храмы по призыву правительства, состоявшего исключительно из атеистов и врагов Церкви. Они скидывали в мешки священную утварь, в сверхъестественную силу которой верили еще десять лет назад. Они хватали и расстреливали священников, которых всего десять лет назад почитали за молитвенников и чудотворцев. Они мучили и расстреливали вчерашних единоверцев за попытку защитить свои святыни от надругательства. Нелепо говорить, будто во всем этом повинны только евреи, латыши и китайцы; люди, совершившие все это, были, к несчастью, русскими, и более того, народ в целом не выразил особого недовольства, не поднялся на всенародное восстание, как того можно было бы ожидать».

Кстати, представители других традиционных российских религий страдали от принципиальных врагов любых вероучительных истин не меньше православных христиан:

*«Не надо нам раввинов,
не надо нам попов,
Бей буржуазию, дави кулаков.. .»*

Теперь я хочу посмотреть на 1917 год и на то, что он породил в России уже не глазами священника, а глазами гражданина, как сын своей страны. Опустим на этот раз всю сухую статистику тем более, что историки все еще остервенело спорят в какую сторону нужно добавить или, наоборот, отнять лишнюю сотню тысяч или даже миллионов наших репрессированных соотечественников.

Говорят, что в далекой древности один китайский садовник отказался демонстрировать красоту своего сада приехавшему к нему императору. Вместо сада он показал верховному правителю Китая только один цветок, красота которого могла быть им не воспринята, если бы она затерялась в общем многообразии прекрасных растительных форм.

Давайте, приблизительно в такой же манере, рассмотрим тоже единичный, правда, совсем не прекрасный эпизод из жизни того «сада», который Ленин и Сталин насадили в нашем многострадальном отечестве. Возьмем для этого хотя бы всем хорошо известный отрывок из книги И. Л. Солоневича «Россия в концлагере». Напомню, что Иван Лукьянович был одним из немногих политзаключенных, которому уже в сталинскую эпоху удалось совершить побег из СССР в Финляндию. А знаком он был сразу с несколькими советскими концлагерьями, в том числе и с нашим «доморощенным» Свирылагом. Главное управление которым находилось в Лодейном Поле.

Цитирую далее Солоневича с незначительной авторской правкой и сокращениями:

«Жизнь пошла как-то глаже.... Но именно в этот период со мною случилось происшествие, глубоко врезавшееся в память.

Перед нашими палатками постоянно маятили десятки оборванных крестьянских ребятишек, выпрашивавших всякие съедобные отбросы. Странно было смотреть на этих детей «вольного населения», более нищего, чем даже мы, каторжники.

Нашим продовольствием заведовал мой сын Юра. Он ходил за хлебом и за обедом. Он же играл роль распределителя лагерных обедыков среди детворы. У нас была огромная, литров на десять, алюминиевая кастрюля. В эту кастрюлю Юра собирал то, что оставалось от лагерных щей во всей нашей палатке. Щи эти обычно варились из гнилой капусты и селедочных головок... Многие из лагерников отваживались есть эти щи, и они попадали детям.

Я точно не помню, почему все так вышло, но однажды я, вдруг, обнаружил, что наша кастрюля, стоявшая под нарами, оказалась полна до краев и содержимое ее превратилось в глыбу сплошного льда. Я решил занести кастрюлю на кухню, поставить ее на плиту и, когда лед слегка оттаяет, выкинуть всю эту глыбу вон, а в пустую кастрюлю полугутить свою порцию каши.

Была уже почти ночь. Пронзительный морозный ветер выл в телеграфных проводах и засыпал глаза снежной пылью. У палаток никого не было. Стайки детей, которые в обеденную пору здесь шныряли, уже разошлись. Вдруг какая-то неясная фигурка метнулась ко мне из-за сугроба и хриплый, застуженный детский голосок пропищал:

— Дяденька, дяденька, может, что осталось, дяденька, дай!

Это была девочка, вероятно, лет одиннадцати. Ее глаза под спутанными пучками волос блестели голодным блеском.

— Дяденька, да-а-а-ай!

— Да тут только лед.

— От щей, дяденька?

— От щей.

— Ничего, дяденька, ты только дай... Я его сейгас, ей-Богу, сейгас... Отогрею... Он сейгас вытряхнется... Ты только дай!

В голосе девочки была суетливость, жадность и боязнь отказа. Я соображал как-то огнем туго и стоял в нерешительности. Девочка почти вырвала кастрюлю из моих рук. Потом она распахнула рваный зипунишко, под которым не было ничего — только торгали голые острые ребра, прижала кастрюлю к своему голому тельцу, словно своего ребенка, запахла зипунишко и села на снег.

Я находился в состоянии такой отупелости, что даже не попытался найти объяснения тому, что эта девочка собиралась делать. Только мелькнула ассоциация о ребенке, о материнском инстинкте, который каким-то чудом еще живет в этом иссохшем теле... Я развернулся и пошел в палатку отыскивать другую посуду для каши своей насущной.

В жизни каждого человека бывают минуты великого унижения. Такую минуту пережил я, когда, ползая под нарами в поисках какой-нибудь посуды, я наконец сообразил, что эта девочка собирается теплом изголодавшегося своего тела растопить эту полупудовую глыбу замерзшей, отвратительной, свиной — но все же пищи. И что во всем этом скелетике не хватит тепла и на четверть этой глыбы.

Я огнем больно ударился головой о какую-то перекладчину под нарами и, почти оглушенный выбежал из палатки. Девочка все еще сидела на том же месте, и ее нижняя телюсть дрожала мелкой, густой дрожью.

— Дяденька, не отбирай! — завизжала она.

Я схватил ее вместе с кастрюлей и потащил в палатку. В голове мелькали какие-то сумасшедшие мысли. Я что-то, помню, говорил ей, но думаю, что я сам и мои слова пахли сумасшедшим домом. Девочка вырвалась в истерию у меня из рук и бросилась к выходу. Я поймал ее и посадил на нары. Лихорадочно, дрожащими руками я стал шарить на полках. Нашел что-то объедки, полпайка Юриного хлеба и что-то еще. Девочка не ожидала, что я протяну это ей, она судорожно схватила огрызок хлеба и стала запихивать себе в рот. По ее грязному личику катились слезы еще не остывшего испуга. Я стоял перед нею пришибленный и растерянный, полный великого отвращения ко всему в мире, в том числе и к себе самому.

Как же это случилось? Как же это все мы, взрослые люди России, тридцать миллионов взрослых мужчин, могли допустить до этого детей нашей страны? Как это мы не додрались до конца? Как это все мы, все поголовно, не взялись за винтовки? В какой-то огнем короткий миг вся проблема гражданской войны и революции осветилась с беспощадной яркостью.

Что помещики? Что фабриканты? Что профессура? Без vill и автомобилей, но ведь живут... А вот эти безымянные мальгики и девочки?.. О них мы должны были помнить прежде всего... Да вот — не вспомнили... И теперь на костях этого маленького скелетика — миллионов таких скелетиков — будет строиться социалистический рай. Вспомнился карамазовский вопрос о билете в жизнь... Нет, если бы им даже и удалось построить этот рай — на этих скелетиках, — я такого рая не хочу.

Много вещей видел я на советских просторах — вещей намного хуже этой девочки с кастрюлей льда. И многое как-то уже забывается. А девочка не забудется никогда. Она для меня стала каким-то символом — символом того, что сделалось с нашей Россией.

Ну вот, тут и комментировать собственно нечего.

«Жить стало лучше, жить стало веселее». Кому лучше? Кому веселее?

Я все думаю об этих с детства засевших в сознании словосочетаниях: «государственные интересы», «государственная целесообразность», «государственная тайна» и пр.

Согласимся, но ведь начиная с 1917 года и эти «интересы», и эта «целесообразность», и эти бесконечные «тайны» (секретность которых не заканчивается и через 100 лет после самих событий) очень сильно расходились с интересами и нуждами большинства нашего народонаселения.

Скажем честно, простых людей, рядовых граждан этой страны за весь этот период не только не любили, но даже по-настоящему и не уважали, а поэтому не очень-то и ценили. И это тоже принципиальное наследие большевизма. Упомянутый только что Солоневич, еще будучи на свободе, обратил на это внимание, общаясь в качестве журналиста, с высокопоставленным партийным чиновником Д. Мануильским: «Довольно осторожно я высказал мысль о том, что большевизм обречён по причине отсутствия сочувствия у народных масс, на что Мануильский ответил: „Да на какого же нам чёрта сочувствие масс? Нам нужен аппарат власти. И он у нас будет. А сочувствие масс? В конечном счёте — наплевать нам на сочувствие масс”.

А может быть Мануильский прав: власть — это всегда одно, а люди — это всегда другое? Вопрос заслуживает того, чтобы остановиться на нем чуть подробнее.

Мы вряд ли ошибемся, если назовем естественным и неизменным желание людей во все времена видеть в каждом своем начальнике человека одаренного особыми внутренними преимуществами, вследствие чего подчинение такому руководителю происходит у «малых сих» вполне сознательно и безболезненно. Простые смертные ждут от лиц, первенствующих в земной иерархии, не столько физического или интеллектуального превосходства, сколько обладания честью и благородством в степенях, существенно превосходящих их собственные. Христианство добавляет к этому достоинству кандидатов на управление ближними еще и головокружительную идею жертвенного служения: «Кто хочет быть первым, пусть будет всем слуга» (Мф. 20:25–26).

И все же, несмотря на такую прописную очевидность, большинство людей, стремящихся возглавить какую-нибудь иерархическую вертикаль, думают об этом меньше, чем следует. Возможно, поэтому реальных успехов в борьбе за высшие должности и привилегии в человеческой истории добивались, как правило, не те, кто особенно честен, бескорыстен или справедлив, а как раз те,

чьи моральные качества были изначально неразвиты или сознательно ослаблены (ср. Екл. 3:16).

Увы, но таков падший мир в целом, и все же кое-какие уточнения с поправкой на наше российское тысячелетнее прошлое сделать необходимо.

Естественно, что всякий человек, внимательно изучавший русскую историю, понимает, что и до большевиков в нашей стране были правители, чьи отношения с подданными, мягко говоря, гладкими не были. Иоанн Грозный, Петр Первый мало ведь с кем в своей жизни считались, и не особенно-то со своим народом (причем со всеми его сословиями) церемонились. Но.

Процент дореволюционных тиранов и живодеров на всю девятивековую христианскую историю России был все-таки ничтожно мал; он был скорее греховным исключением из общего правила воспринимать власть как Божье бремя, за которое любому властителю однажды придется ответить. Более того, чем ближе к XX веку, тем в целом благороднее и человечнее становилась русская правящая элита:

«Эмалевый крестик в петлице

И серой тужурки сукно...

Какие пегальные лица

И как это было давно.

Какие прекрасные лица

И как безнадежно бледны —

Наследник, императрица,

Четыре великих княжны...»

И вдруг, несмотря на явный персональный и коллегиальный прогресс, совершающийся в недрах российской дореволюционной власти, — например в сфере общей гуманизации уголовного и административного права, в сфере образования и социального обеспечения, наконец, в области непосредственных личных взаимоотношений начальников с подчиненными и пр., — в народную жизнь стремительно врывается откровенное постулирование государственного террора и, по факту, тотального общественного бесправия.

Откуда это? С чего бы вдруг? Постараюсь ответить на эти вопросы в самом конце статьи. А пока вернемся к персоналиям.

О личных моральных ценностях людей, чьими руками творился новый мир, Ленин

свидетельствовал еще в 1905 году: «Большевистская партия это не пансион для благородных девиц... Иной мерзавец, может быть, для нас именно тем и полезен, что он мерзавец». Позже Ленин запоздало сетовал на то, что в его партийном окружении было «на сто человек порядочных — девяносто негодяев», но, как говорится, «от осинки не растут апельсинки».

Если узурпатор, захвативший власть или даже легитимный лидер, поднявшийся на политический Олимп законным способом, начинает реализовывать свою власть с помощью насилия и бесчестия, но при этом публично произносит много правильных и красивых слов (долой эксплуатацию, долой социальное неравенство, долой помещиков и капиталистов, даешь власть рабочим и крестьянских депутатов и пр.), его подчиненные, — также обличенные властью люди, — справедливо видят в этом сплошное лицемерие... И, естественно, начинают во всем подражать своему руководителю.

Чиновник-коррупционер, чиновник-бездарь, чиновник-хам, наконец, чиновник-убийца являются таковыми только потому, что улавливают, слышат, каждый день видят своими собственными глазами подлинный интерес своего начальства и... копируют его.

Увы, но все эти бодрые лозунги, все эти, заказанные властью советские песни про «знамя борьбы и девиз всех народов — за лучший мир за святую свободу», про то, что «я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек» и т. д., были, как мы понимаем, пропагандистской частью лицемерной политической системы, которую можно охарактеризовать как государственный рабовладельческий строй с элементами ничтожного социализма в отношении лояльных к режиму граждан.

Возможно, на этом стоит остановиться, задав два справедливых вопроса. Во-первых: «Ну зачем же так много говорить о плохом, неужели нельзя вспомнить хоть что-то хорошее?» А во-вторых: «Зачем вообще вспоминать о таком национальном прошлом (которое ведь прошло), да еще с такой экспрессией, с такой непримиримостью, будучи к тому же христианином, и, значит, памятуя об отношении Основателя христианской Церкви к своим мучителям: „прости им Отче, ибо не ведают, что творят“?»

По поводу «хорошего» в советском прошлом могу сказать только за себя, никому этой точки зрения не навязывая. Имея репрессированных родственников (как в своей собственной семье, так и в семье своей жены), о которых семейная память говорит как о чрезвычайно совестливых и благородных людях, и которые именно за это и были уничтожены, — я никогда не смогу восторгаться любыми государственными успехами и достижениями, за которые было заплачено невинной кровью, рабским трудом и парализующим страхом миллионов моих соотечественников.

К сожалению, некоторые из моих знакомых, включая верующих, до сих пор верят в то, что так было надо, что по-другому было нельзя. Дескать, «лес рубят — щепки летят», зато мы получили индустрию. Индустрия это хорошо, кто бы спорил, — но как из этого вытекает необходимость чудовищных государственных репрессий в отношении русского крестьянства, здравомыслящему человеку непонятно? Каким образом из необходимости индустриализации вытекает обязательная смерть Вавилова? Или переломанные ребра Королева? Или каким образом победа над нацистской Германией была бы невозможна без выбитых зубов Рокоссовского или фронтовых заградотрядов сталинских комиссаров?

Что же касается «прощения», то в одном из совместных российско-польских официальных церковных заявлений, составленных в 2012 году при непосредственном участии Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, есть такие слова: «Мы призываем верующих прощать и просить прощения... При этом прощение, конечно, не означает забвение. Память представляет собой важную часть нашей идентичности. Мы также имеем долг памяти перед жертвами нашего прошлого, которые были замучены и отдали свою жизнь за верность Богу и земному отечеству. Простить — значит отказаться от мести и ненависти, участвовать в созидании согласия и братства между людьми...».

Но, добавлю я от себя, простить — не значит торопиться оставлять без внимания то, что этому согласию и братству в нашем недавнем национальном прошлом активно мешало. Так ли уж не ведали большевики — что они творили с Россией?!

Конечно нет, всё они знали и именно такого результата добивались. И все же нам,

нынешним россиянам, недостаточно поговорить об этом как следует всего лишь один или несколько раз, ибо каждому новому поколению не очевидно случившееся с их предками даже совсем недавно.

То, что четко и критически оформилось в отношении советского периода в сознании большинства россиян в 90-е годы, может полностью улетучиться спустя несколько десятилетий и стать новым соблазном для россиян, никогда в Советском Союзе не живших. Поэтому нам вновь и вновь необходимо свидетельствовать о случившемся каждому молодому поколению наших соотечественников.

Нужны ли нам при этом новые физические потрясения, новые гражданские войны? Глупый вопрос, разумеется нет, — это же очевидно. Но нам как народу просто не удастся обрести свой достойный благородный жизненный путь без потрясений нравственных. «Страданиями души творятся перемены», и лишь покаянно отнесясь к ошибкам своего национального прошлого, мы можем искупить пролитую нашими предками братскую кровь.

На мой взгляд, опыт юридического государственного безволия в отношении к случившемуся, опыт длительного законодательного ненаименования преступлений и преступников таковыми, опыт общественного равнодушия или даже оправдания таких фактов, как эта «девочка с кастрюлей», высшими государственными интересами и т. д., может оказаться почти таким же губительным для российского будущего, как и названное зло российского прошлого.

Вместе с писателем Клайвом Льюисом я не считаю, что всякий народ, выбравший в какой-то момент своей истории зло, должен непременно погибнуть. Нет, он может спастись, но лишь в том случае, если снова выйдет (или будет выведен) на правильный путь. Если сумма неверна, ее можно исправить, для этого надо лишь мысленно вернуться вспять и найти ошибку: а такой ли уж плохой была Россия, которую большевики разрушили, и такой ли уж хорошей она стала, после того как они над ней поработали? Но конечный результат будет всегда ошибочным (и даже трагичным), если не делая исправлений в уроках своего прошлого, мы будем просто жить и, образно выражаясь, считать свой исторический пример дальше. Зло можно исправить, но нельзя переводить в добро. Время его не врачует.

И что же из этого следует? Из этого следует лишь то, что сегодняшние жители России, никого не осуждая и никому не желая зла, должны просто сказать «да» или «нет» своему недавнему историческому прошлому — этому горькому, в чем-то до сих пор продолжающемуся советскому эксперименту.

Если прозвучит «нет», если наши современники все же решат, что они больше этого не хотят, то тогда в жизнь нашей страны неизбежно войдут культурно-политические и социально-экономические положительные изменения. И время, и способности для такого выбора у россиян по-прежнему есть.

Если же, напротив, прозвучит «да», — а такое тоже возможно, ибо больное непереосмысленное прошлое, как недолеченная болезнь, может в любой момент вернуться, — то тогда СССР-1, руками самих же россиян, будет вновь создавать свои новые, столь же отвратительные копии.

В разговоре о последствиях неправильного выбора мне менее всего хотелось бы быть голословным, и поэтому я отсылаю читателя к очень показательному мероприятию, проведенному в Севастополе некоторыми общественно-политическими организациями совсем недавно — 12 августа 2015 года.

Те, кому удалось посмотреть этот выразительный видеосюжет, могут только гадать, сколько такое «скромное» региональное мероприятие стоило на самом деле. Но в данном случае важно совсем другое: если таково идеологическое предложение, значит, кто-то очень заинтересован и в соответствующем на него спросе?!

Если же говорить по существу, то вот вам и советский рецидив; пока еще только театральный, сценический, лубочно-модифицированный под новое время, но все с тем же, до боли знакомым большевистским посылом о жизни «на сцепленных зубах», «об имперских мировых притязаниях» и, конечно же, о «спасении Запада» от всех его ценностей и образа жизни. Вот только интересно, каким образом? Неужели мирным, неужели через возрождение пионерии?

Что ж? На странную медийную популярность г-на Залдостанова (увы, не агнца, а именно «ночного волка»), на его поэтические предсказания уготованного всем нам будущего я могу ответить, лишь тем же способом, процитировав совершенно другие строки. В далеком 1987 году они казались многим из нас просто удачной авторской находкой Бориса Гребенщикова.

Но теперь эти слова все больше и больше напоминают настоящее пророчество:

*« А кругом горят факелы, —
это сбор всех погибших частей,
И люди, стрелявшие в наших отцов,
строят планы на наших детей.
Нас рожали под звуки маршей,
нас пугали тюрьмой,
Но если мы хотим, чтобы было куда вернуться, —
Время вернуться домой...»*

Подведем итог. Многие наши соотечественники уже обратили внимание на то, что в течение этого года Русская Православная Церковь проводит целую череду различных мероприятий, посвященных означенному печальному юбилею. В этой связи большинство конференций, круглых столов и даже выставок абсолютно оправданно ставят проблему «уроков», которые должны быть извлечены россиянами из уникального опыта ушедшего столетия.

Уроки — в чем их главная особенность и одновременно проблема? Они, как известно, могут быть не только выучены и поэтому положительно аттестованы на экзамене, но и проигнорированы, что необходимо ведет учащихся либо к попыткам пересдать этот же материал повторно, либо (если пересдачи не помогли) грозит им безнадежным отчислением.

На мой взгляд, незачтенные русские уроки XX века все еще находятся где-то между мученическими венцами одних наших предков и деяниями их мучителей (увы, тоже наших родственников), которые первых на это мученичество и обрекали.

«Выстраданный русский зачет» — это жизнь и смерть всех россиян, оставшихся в страшном XX веке людьми. Людьми с большой буквы. Людьми, сумевшими прожить этот век без подлости, без злодейства, без лицемерия, без отречения от своего Бога и от своего положительного национального прошлого. Урок, преподанный нам этими соотечественниками, говорит прежде всего о том, что и в самой страшной, иногда почти безвыходной ситуации перед каждым из нас все же открыта возможность попытаться сохранить в себе человеческое достоинство. Сохранить свою человечность вопреки здравому смыслу и общему гибельному настрою. Несмотря ни на что!

Противоположный урок, преподанный нам национальными антиподами наших праведников — это урок собирательного Каина, на моральных инициативах которого в человеческой истории создаются только «вавилонские башни». А это значит, что для наших нынешних соотечественников, стремящихся в той или иной форме возродить в стране ленинские и сталинские принципы жизни, нет и не может быть никакого светлого будущего.

Наоборот, вновь поднятая на знамена бесчеловечная сущность большевизма будет вновь и вновь чеканить российское настоящее

по своему образу и подобию. И если эти «братья наши» не передумают, если мы проявим равнодушие и позволим им еще раз возобладать, тогда ледяные кастрюли придется греть своими телами уже нашим детям.

А в итоге возникшая цикличность национальной судьбы может привести Отечество к полной маргинализации и физическому распаду. В этом случае Бог может просто отчислить страну «нераскаянных каинов» из школы Своей провиденциальной заботы, как Он уже не раз проделывал это с библейскими народами, чье греховное упорство оставалось неизменным, несмотря на всю помощь, которая приходила к ним через своих собственных и чужих пророков.

Следующий урок — скорее не урок, а общественный призыв к сильным мира сего. Если мы хотим взаимного доверия и уважения, если мы рассчитываем на настоящий цивилизованный просвещенный российский патриотизм, то тогда наша власть (в самом широком объеме своих институций) должна вдохновлять свой народ на подлинное человеческое добро, должна искренне заботиться о своем народе, а о себе — по остаточному принципу или хотя бы половина на половину.

И последнее. Прошу читателей вспомнить цитированное в начале этой статьи письменное признание русского красноармейца о «попах в Новочеркасске (да и по всей России), которых он и его (еще совсем недавно православные) однополчане били как собак». Сейчас оно нам опять потребует.

Из случившегося с Русской Церковью в начале XX века самый большой урок должна извлечь сама же Русская Церковь! В чем он? Церкви еще предстоит ответить на этот вопрос. Но от себя замечу, что, на мой взгляд, за девятьсот лет православного окормления российской нации что-то важное оказалось в этом процессе Церковью упущено или, может быть, даже искажено.

Возможно, русским людям до революции не хватало богослужебного пространства: маленьких приходов или, наоборот, больших храмов? — Но в России было великое множество маленьких приходов и больших храмов.

Церковно-приходские школы, сестричества, братства, многоступенчатая система всеобщего православного образования при весьма щедрой эксклюзивной поддержке Церкви государством... может быть, нашим соотечественникам недоставало этого? — Отнюдь. Все это было, причем в гораздо большей степени, чем сейчас.

Духовная цензура, контролирующая частную и общественную мысль российской нации в области публичного творчества? — Такая цензура тоже была и исправно работала.

Возможно, в стране отсутствовал церковный контроль над моралью в области пола, бракосочетаний, разводов и деторождений? — Но такой контроль неизменно осуществлялся, причем он был достаточно строгим и тоже общеобязательным (вспомните Анну Каренину).

Ежегодно по всей России огромные массы людей совершали паломничества или участвовали в многотысячных крестных ходах.

Подавляющее большинство населения было православным и, в качестве такового, все эти люди были крещены и венчаны.

Все они исповедовались и причащались.

Все они пили святую воду и подставляли под нее пучки праздничной ритуальной вербы.

Все они слушали Страстные Евангелия и несли зажженные свечи Великого Четверга в свои маленькие и большие жилища.

«Единым сердцем и едиными усты» все они радостно кричали на Пасху: «Христос Воскресе! — Воистину Воскресе!» и пр., пр., пр.

И вдруг всё это русское православие, вся эта святая православная Русь «слиняла, (по выражению Василия Розанова), в два дня, самое большое в три... Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частностей...».

Но это может означать лишь то, что фундамент русского церковного созидания был устроен с серьезным нарушением пропорций между песком и цементом. Песка оказалось чересчур много... Слишком много «песчаной» формы, слишком мало духовного, по-настоящему христианского содержания.

Естественно, ошибку можно и нужно найти. Нужно ее и исправить. А для этого надо всего лишь не называть впредь песок цементом и не строить современную церковную жизнь на подделках и имитациях христианской Истины.

И конечно же, — и здесь, я думаю, светские люди безусловно со мной согласятся, — нашей Церкви не стоит спешить реанимировать для современной государственно-общественной жизни те якобы надежные традиционные формы-скрепы, которые уже однажды не удержали и не спасли наш народ и нашу страну от печальной и длительной одержимости.

Новомученики

(на фотографиях слева направо)

сщмч. Тихон, архиеп. Воронежский

сщмч. Платон, еп. Ревельский

сщмч. Петр Скипетров Петроградский

сщмч. Онуфрий, архиеп. Курский

сщмч. Николай, архиеп. Великоустюжский

сщмч. Николай Розов Петроградский

сщмч. Николай Кулигин Петроградский

сщмч. Никодим, еп. Белгородский

сщмч. Михаил Чельцов Петроградский

сщмч. Михаил Околович Иркутский

сщмч. Лаврентий, еп. Балахнинский

сщмч. Иоанн Кочуров Царскосельский

сщмч. Иоанн Ганчев Бакинский

сщмч. Димитрий Беневоленский Тверской

сщмч. Дамиан, архиеп. Курский

сщмч. Григорий Пospelов Кронштадтский

сщмч. Гермоген, еп. Тобольский

сщмч. Вениамин, митр. Петроградский

сщмч. Василий Измайлов Борисовский

сщмч. Амвросий, еп. Сарапульский

сщмч. Алексей Ставровский Петроградский

сщмч. Роман Медведь Московский

прмч. Лев (Егоров) Петроградский

прмч. Неофит (Осипов) Московский

прмч. Маврикий (Полетаев) Сергиево-Посадский

сщмч. Карп Эльб Петроградский

сщмч. Владимир Лозина-Лозинский

сщмч. Алексей Порфирьев Балахнинский

сщмч. Александр Хотовицкий Московский

ГАИТИ ПРАВОСЛАВНЫЙ

Александр Андреев

Гаити – первое в мире государство, поборовшее колониализм, отменившее рабство и провозгласившее расовое равноправие. И тем не менее страна также остается самой бедной и малоразвитой в западном полушарии. С Россией Гаити связывает общая победа над армией Наполеона, любовь к творчеству Александра Дюма и ... православная вера.

В августе 2017 г. на о. Гаити побывал аспирант Духовной академии Петербурга чтец Александр Андреев. В заключение своего визита он побеседовал с национальным представителем Православной Миссии в Гаити, священником Иоанном Дюмэ, и его сыном, чтецом Мартином Дюмэ, об истории страны, ее экономическом развитии и истоках и будущем православия на «Антильской жемчужине».

(Перевод с французского.)

В первую очередь русскоязычной аудитории, наверное, следует представить Республику Гаити. Поэтому давайте начнем с географии и истории этой страны.

Мартин Дюмэ:

Гаити – независимая республика, расположенная на о. Эспаньола, иначе известном как о. Гаити, который она разделяет с Доминиканской Республикой. Для русских наверное можно сразу сказать, что Гаити находится рядом с Кубой, с которой русские имели хорошие отношения во время «холодной войны». Вместе с Кубой, Ямайкой и Пуэрто-Рико, остров Гаити входит в группу Антильских островов в Карибском море.

История Гаити не лишена многих потрясений и перемещений. Сам Христофор Колумб открыл этот остров для европейцев в 1492 г. и именно он назвал его Эспаньолой, потому что он ему напомнил Испанию. Но когда на остров высадился Колумб, здесь уже жили коренные племена. Европейцы увидели богатство этого острова и покорили коренное население. Из-за насилия европейцев и эпидемий многие из коренных жителей умерли. Пришлось как-то вновь заселить остров. Тогда европейцы начали привозить людей из Африки, которых они держали рабами. В свое время испанцы заключили договор

с Францией – Рейсвейкский мирный договор (1697 г.) – на основании которого остров был разделен надвое, и западная часть, на которой теперь расположена Республика Гаити, отошла к Франции. Так было до 1804 г. Но во время Французской Революции революционные идеи также нашли приверженцев и среди рабов в Санто-Доминго – так называлась французская колония на острове – и рабы восстали против европейских рабовладельцев. Они потребовали отмены насилия, рабства, расовой сегрегации и колониального режима. И вот в 1804 г., после длительной кровавой борьбы, армия, состоящая из чернокожих рабов, победила армию Наполеона Бонапарта.

Это было серьезным достижением – ведь Наполеон потом покорил всю Европу, кроме России, а рабы воевали с самодельным оружием, с мачете. И все же они победили Наполеона и многотысячную французскую армию. Это было потрясением для рабовладельческой системы и Гаити стала первой страной в мире, где была объявлена всеобщая свобода. Итак гаитяне – второй независимый народ в Америке после Соединенных Штатов. Но в Соединенных Штатах тогда еще был рабовладельческий строй, а Гаити стала первой негритянской республикой в мире.

Гаитяне этим очень гордятся. Но эта гордость также порой мешает им увидеть реалии современного мира, пойти по дороге прогресса и экономического развития. Часто создается

впечатление, что революционный кризис продолжается, несмотря на многолетнюю независимость. Можно сказать, что Гаитянская Революция так и не нашла своего разрешения, и поэтому у нас продолжается длительная, драматическая история. В какой-то степени это нормально, если учесть, что к власти пришли бывшие рабы, не имевшие до этого институтов государственности. Солдаты, не знавшие ничего, кроме рабства и войны, объявили независимость и начали строить новое государство. Но тем не менее, сегодня власть в руках гаитянского народа, что дает им возможность сделать все необходимое для развития этой страны, которая и сегодня остается примером свободы и человеческого достоинства для многих стран, если не для всего мира.

**Скорее всего русские слышали
о Гаити в сводках новостей, где**

**сообщалось о политических кри-
зисах, о проблемах экономическо-
го развития и о стихийных бедстви-
ях, в особенности о разрушительном
землетрясении в 2010 г. Как гаи-
тяне воспринимают то, что про-
исходит сейчас в стране?**

Мартин Дюмэ:

История Гаити полна скорбных периодов. Землетрясение 2010 г. не было первым землетрясением, постигшим остров. Но оно было самым разрушительным, самым кровавым, унесшим жизнь 200.000 человек, а по подсчетам некоторых, до 300.000. Что же касается политических и экономических проблем, то здесь, на мой взгляд, в корне лежит то, что гаитяне еще не поняли свою народную идентичность. Гаитяне не смогли

увидеть себя едиными, научиться работать вместе для достижения единой цели, основываясь на чем-то, кроме личных эмоций. Что требуется Гаити, это, на мой взгляд, – образование. Сегодня многие страны хотят нам помогать и уже помогают. Приезжают с помощью и многие неправительственные организации. Но из этого ничего не получится если сами гаитяне не научатся понимать те жесты доброй воли, которые делает мир, и понимать вообще, как устроен современный мир. Не имея достаточной информации очень сложно не просто просить, но еще и принимать, а тем более сохранять то, что имеешь, защищать и преумножать. Поэтому, на мой взгляд, наша самая главная беда – недостаток народного образования.

Ведь есть примеры индивидуальных достижений в Гаити. И за пределами Гаити живут немало весьма успешных гаитян. Достаточно привести, к примеру, Микаэль Жан, родившуюся в Гаити и ставшую генерал-губернатором Канады, а на данный момент – председателем Франкофонии, или Дани Лаферьера, гаитянского писателя, избранного в состав Французской Академии, где он занимает кресло Александра Дюма. Кстати, отец Александра Дюма был мулатом и уроженцем Гаити. Так что Гаити знает много личных достижений, но в области общественных достижений, – чтобы хотя бы наладить стабильную власть, к примеру, – здесь мы имеем серьезные трудности. Сказывается и то, что гаитянский народ много пострадал от рабовладельческой системы, что колонизаторы пытались выжать из острова все, что было возможно, и, во многом, несмотря на итоги Гаитянской Революции, мы сохраняем многие раны, да и некоторые обычаи и привычки рабовладельческой эпохи, которые совсем не способствуют экономическому развитию. Но в общем, для меня проблема заключается в образовании, и мы просто обязаны дать гаитянам возможность посещать не просто школы, но хорошие школы, и бесплатно или, по крайней мере, по доступной цене. Сегодня школа в Гаити – это роскошь. Школу могут посещать дети богатых. Что касается среднего класса, то родители жертвуют всем, чтобы предоставить образование для своих детей. Для народной массы образование вообще остается недоступным. При этом 90% школ в Гаити находятся в частных руках и мы понимаем, что образование превращается в бизнес. Страна не может развиваться когда одна из главных услуг – услуга

образования – превращается просто в один из видов торговли.

Мы еще вернемся к теме образования. Но следует перейти к вопросу православия и узнать, как оно проникло в эту страну. Ведь культура Гаити – это, в основном, африканская культура, по ходу истории принявшая элементы культуры коренного населения и европейских колонизаторов?

Мартин Дюмэ:

Да, по ходу истории Гаити было некоторым пересечением дорог, где встречались многие культуры и совершенно разные люди. Конечно гаитяне по происхождению африканцы. В прочем, сказать, что наша культура – африканская, это равно ничего не сказать. Африка — громадный континент с очень разными культурами. На Гаити переселяли рабов главным образом из Конго, также из Сенегала и Бенина. К стати, оттуда пришла и религия Вуду, распространенная на острове и сейчас. Далее здесь был период испанской колонизации, потом влияния англичан и французов, которые боролись с Испанией за этот остров. Ведь остров был очень богатым. Его называли «Антильской жемчужиной», потому что это была самая богатая из всех колоний. Тут были колоссальные природные ресурсы и огромное количество рабов, в результате чего колония производила до 40% всего сахара и до 60% всего кофе, употребляемых в Европе.

Итак здесь перемешались культуры африканских рабов, европейских колонизаторов, и коренных жителей, которых Колумб по ошибке назвал «индейцами». Перемешались и в физиологическом, и в социологическом смысле. Но даже после независимости, Гаити осталась открытой. Во первых здесь был длительный период американской оккупации, т. е. мы перенимали частично культуру США. Именно в этом ключе следует понимать вопрос о возникновении на острове православия. Во время диктатуры Дювалье многие гаитяне бежали в США. И там один из них, англиканский священник Авраам Лафон Лапуант, принял православие. Потом он вернулся в Гаити и начал

здесь православную миссию. Одновременно с этим, в 1987 г. также началась миссия Константинопольского Патриархата, которую возглавил американец Майкл Гривз.

Расскажите подробнее об Аврааме Лапуанте. Итак, это – гаитянин который принял православие в США?

Свящ. Иоанн Дюмэ:

Да, он познакомился с Православием в США. Там же он был рукоположен во священника в юрисдикции Антиохийского Патриархата. Затем он прибыл в Гаити чтобы проповедовать Православную веру. В прочем, он сразу же столкнулся с трудностями. Как сказал Мартин, где-то в это же время в страну прибыл американец Майкл Гривз, который был в юрисдикции Константинопольского Патриархата. Они попытались сотрудничать, но, к сожалению, у них это не получилось. Некоторое время о. Авраам существовал независимо, затем он обратился в Синод Русской Православной Церкви за границей. Преосвященнейший епископ (ныне митрополит) Иларион тогда очень дружелюбно отозвался и направил двух монахов, Василия и Иоакима, которые

посетили Гаити, вышли на связь с нами и доложили о положении дел владыке Илариону. С тех пор, т. е. с 1994 г., мы находимся в составе РПЦЗ.

То есть, когда мы говорим о Православии в Гаити, мы говорим о православных гаитянах, а не о русских или греках, которые эмигрировали сюда?

Свящ. Иоанн Дюмэ:

Да, да, именно о гаитянах. Здесь нет русских или греков.

Каково положение миссии сегодня? Сколько здесь приходов, священников, верующих?

Свящ. Иоанн Дюмэ:

У нас сегодня семь приходов, пять священников, два диакона и около двадцати чтецов. Общее количество верующих – около 500 человек. Это не очень много. Причем, к сожалению, история Православия в Гаити знает также несколько разделений, сначала с отцом Авраамом, затем с священником Григорием Вильямс, не принявшим восстановление канонического общения РПЦЗ с Московской Патриархией. Но несмотря на все эти сложности, мы продолжаем двигаться вперед.

Какова общая религиозная ситуация в Гаити? Я заметил, что гаитяне – очень религиозный народ. Какую они исповедуют веру?

Свящ. Иоанн Дюмэ:

В первые годы после независимости и вплоть до начала XX в. Римско-католическая Церковь была не только самой большой церковью в стране по количеству верующих, но и государственной религией. Но затем увеличилось значение разных групп протестантов-евангеликов: баптистов, адвентистов, иеговистов и других. Они приехали к нам из Соединенных Штатов. Народ действительно остается очень религиозным и религиозная символика видна в стране повсюду, даже в окраске местных автобусов.

Как ваша семья пришла к Православию?

Свящ. Иоанн Дюмэ:

Я родился римским католиком. Я покинул свой родной город, Кап-Аитьен, и переселился в столицу, Порт-о-Пренс. Здесь я понял, что что-то мне не нравилось в Римском католицизме. Были некоторые доктрины, с которыми я не мог согласиться. Поэтому я начал искать, и как-то я познакомился с отцом Авраамом, «первопроходцем Православия» в стране. Он мне рассказал о Православной

церкви. В 1991 г. я был крещен отцом Авраамом, после чего я изучал с ним богословие, а затем прошел богослужебную практику в Джорданвилле в 1995 г. Тогда же ныне покойный митрополит Лавр меня рукоположил. Это было 8 сентября 1995 г. После этого я вернулся в Гаити, пытался здесь трудиться бок о бок с отцом Авраамом. Но, к сожалению, между нами произошло разделение, и с 1996 г. я назначен главой Миссии. В этом служении я пребываю и до сего дня, как национальный представитель Миссии.

Чем православие в Гаити отличается от православия в России, в Греции или в других православных странах? Каковы его культурные особенности?

Свящ. Иоанн Дюмэ:

Как вы знаете, каждая страна, каждый народ имеют свою культуру, свое видение. Мы не живем в православной стране, что делает нашу ситуацию более сложной. Если мы посмотрим на гаитян католиков или евангеликов, то их обряды несколько отличаются от наших. У них есть скамейки, они много поют. Одной

из сложностей для наших верующих – привыкнуть к православной сакраментальной практике. Например – причащение со лжицы. Это им кажется очень странным. Или вопрос с исповедью. То же относится и к крещению: мы практикуем крещение через полное погружение, что также непривычно, так как католики крестят через окропление. Это обрядовая сторона, а что уже говорить об образе жизни и культурных аспектах!

Мартин Дюмэ:

Следует также отметить, что Православие в Гаити очень своеобразно потому что гаитяне просто многого не знают. Есть конечно некоторые верующие, которые имеют возможность выйти в Интернет и посмотреть, что такое Православная Церковь или почитать книги. Но подавляющее большинство верующих такой возможности не имеет и поэтому они очень закомплексованы. У них очень мало информации. Россия находится очень далеко и гаитяне ничего о ней не знают, кроме того, что слышат по радио.

В лучшем случае, они воспринимают Православие как древний вид католицизма. Но чтобы жить по-православному нужно знать православный образ жизни! Поэтому когда какой-то иностранец посещает Миссию, будь он американцем (чаще всего) или русским, гаитяне очень пристально наблюдают за ним. Они смотрят, как он себя ведет, задают ему вопросы. Они хотят по настоящему понимать Православие, но у них нет такой возможности.

Что привлекает гаитян к Православию? Как это не странно, в первую очередь — наличие женатого духовенства. Почему, спрашивают они, в этой церкви священники могут жениться и иметь детей? И почему эта церковь также использует наименование «католическая»? Мы часто говорим, что мы также «католики», только не римские, а греческие. Это их приводит в наши храмы. Иной раз их также интересуют иконы, но у нас нет храмов с настоящей православной архитектурой и красивой живописью, которые бы привлекали верующих. Да, еще их впечатляет, когда священник ходит по улице в подряснике с крестом. Они спрашивают, почему на этом человеке такой странный кафтан? Ведь католические священники в Гаити более не носят подрясников. И вот они видят такого человека, подходят к нему, начинают общаться, спрашивать, кто он такой и почему у него такой странный вид.

Когда к нам приезжал священник Григорий Вильямс из США – а он был белым и имел

большую белую бороду помимо черного подрясника – то гаитяне его называли «Дедом морозом» или «богом», потому что у них есть такое представление, взятое из католических детских катехизисов, что у Бога Отца большая белая борода. Но такое представление открывает возможность общаться о вере и свидетельствовать о Православии, начинается диалог. Затем они приходят в храм, чтобы посмотреть, как этот священник служит. Но настоящие трудности начинаются именно здесь, потому что их нужно катехизировать. А у нас для этого недостаточно людей, изучивших основы веры и богословия, которые могли бы этим заниматься. Так что даже для верующих гаитян православие часто остается некой диковинкой.

Мы уже говорили о проблеме образования в Гаити. Какова здесь роль Православной Миссии? Чем она занимается в области образования детей?

Мартин Дюмэ:

Миссия в Гаити очень рано поняла, что в Гаити мы просто обязаны заниматься социальной деятельностью. Ввиду того, что страна крайне бедна, а государственный сектор почти отсутствует, любая церковь здесь должна показать людям, что она заботится не только об их духовном развитии, но также и о развитии социальном. И под этим в первую очередь подразумевается борьба с бедностью и безграмотностью, что требует школ. Поэтому Православная Миссия сразу открыла школы, и сейчас помимо семи приходов мы располагаем пятью школами. Но они конечно имеют разное состояние. Две самые большие – Школа «Нотр-дам де пети», где мы сейчас находимся, и Центр «Фойе д'амур» в Фонтамара, который является школой для детей-инвалидов – были открыты священниками миссии и имеют более или менее самостоятельное существование. Другие школы существуют сравнительно недавно, открыты в сельской местности и имеют целый ряд проблем с кадрами и инфраструктурой.

Свящ. Иоанн Дюмэ:

В наших школах мы стараемся помогать семьям, которые действительно испытывают нужду. В Школе «Нотр-дам де пети» мы начинаем с детского сада, затем следует начальное образование. В этом году мы запускаем третий цикл, т. е. седьмой класс начального образования, что соответствует «шестому классу» во Франции.

Это – французская система образования?

Мартин Дюмэ:

Я бы даже сказал, что это – архаичная французская система, в чем заключается еще одна проблема образования в Гаити. Во Франции более так не учат

детей, но в Гаити эта система сохранилась, что означает, что мы учим детей согласно системе, которая уже не соответствует современным реалиям.

А кто преподает в этих школах, какая там программа?

Мартин Дюмэ:

На самом деле, что касается программы, единственная разница между нашими школами и другими школами страны заключается в том, что мы преподаем православный катехизис. Это – только один предмет.

Даже если дети не являются православными?

Мартин Дюмэ:

Даже если дети не являются православными, они слушают православный катехизис. В остальном программа полностью соответствует тому, что от нас требует национальный стандарт и остается достаточно элементарной. Сами школы крайне бедны. Например, три новые школы не имеют собственных помещений, они либо их снимают, либо занимаются в каких-то самодельных условиях. Из двух более утвердившихся, «Фойе д'амур» имеет более или менее нормальное помещение, а здание «Нотр-дам де пети» было полностью разрушено землетрясением в 2010 г. и в настоящее время находится в состоянии строительства. Из учеников есть небольшая группа православных – детей наших прихожан. Но мы принимаем всех детей этого района, вне зависимости от вероисповедания или политических взглядов их родителей.

Отец Иоанн, а на Ваш взгляд, какие сегодня самые актуальные нужды Православия в Гаити?

Свящ. Иоанн Дюмэ:

О! Их очень много! Во первых нам нужно строить церкви. У нас нет настоящего православного храма с точки зрения архитектуры, иконографии и т. д. Если бы у нас был храм, мы бы могли говорить людям, как Филипп сказал Нафанаилу, «пойди и посмотри» (Ин. 1:48). Поэтому очень остро ощущается необходимость в строительстве храма. Конечно есть и проблема образования. Как известно, нельзя дать то, чего не имеешь сам. Надо сказать, что Семинария РПЦЗ в Джорданвилле могла бы нас принять, но возникают трудности из-за языкового барьера. Наши молодые люди должны делать усилия, должны трудиться,

чтобы получить полноценное образование где бы то ни было – там, или во Франции, или в России. Очень часто они меня спрашивают – «а есть ли православное образовательное учреждение в Гаити?» И я им отвечаю – «нет, мы еще слишком молоды, у нас еще даже нет своего епископа, ни то чтобы своей семинарии. Вы должны учить языки и ехать учиться во Францию, в США или в Россию».

Нам даже не хватает подчас таких элементарных вещей, как богослужебные книги, и когда кто-то, как Вы, приезжает чтобы нас поучить служить, читать, петь осмогласие, это – очень большое событие для нас. Я видел как после Ваших занятий ребята были довольны, что они смогли отыскать тот или иной текст в богослужебных книгах и исполнить его на тот или иной глас.

Чтобы Вы хотели сказать или пожелать русским семинаристам в Санкт-Петербурге?

Свящ. Иоанн Дюмэ:

Что же? Мы ждем их! Я надеюсь, что они смогут приехать к нам!

Мартин Дюмэ:

Я бы добавил свои пожелания: чтобы они развивали дух открытости и понимания. И чтобы думали о тех уголках мира, где люди еще не слышали о Православной вере, а иной раз даже не слышали и о Христе Спасителе. Такие места наверное есть и в России. Но есть еще и отдаленные страны, как Гаити. Даже если они не думают сейчас ехать куда-то с проповедью и миссией, следует иметь в виду, что такие страны как Гаити всегда готовы принять русских миссионеров. Ведь миссия на самом деле не может правильно развиваться, если не приедут миссионеры, которые покажут свою веру, свой образ жизни, свои обряды и обычаи. Так всегда было в истории церкви – миссионеры приезжали и проповедовали веру отдаленным, иноверным народам.

МОЯ ЕПАРХИЯ В ТАНЗАНИИ

Митрополит Мванзский Иероним (Музейи)

Ваше Высокопреосвященство, пожалуйста, расскажите нам о своей епархии.

Моя епархия образована совсем недавно, она находится под юрисдикцией Патриарха Александрийского и всей Африки. Она расположена в северо-западной части Танзании. Епископская кафедра находится в городе Мванза, это второй по величине город в Танзании. В нем насчитывается 200 общин, и у нас есть 40 священников, которые помогают мне совершать служение в этих общинах. У нас 50000 верных. Наша область составляет около 450 тысяч квадратных километров, где проживает около 20 млн. человек, и 30% из этих людей по-прежнему придерживаются традиционной для африканцев веры. У нас есть много работы для миссионеров. Эти люди верят в камни, реки... Существует множество магических практик, которые действительно тормозят развитие Танзании и Африки в целом.

Вы сами обратились в Православие, или вы родились в православной вере?

Я родился в Православии, моя мать — новообращённая.

Можете ли вы рассказать больше о том, как люди становятся православными?

И как ваша семья стала православной, а вы стали священником?

Есть очень много возможностей для того, чтобы кто-то стал православным у нас. Чтобы понять эти возможности, нужно сказать о том, что мы живем все вместе в деревнях. Если человек крестится в Православной Церкви, люди в деревне больше интересуются, что представляет из себя эта вера, и он им отвечает. Затем человек отправляется в другое место, и он говорит: «Знаешь, мой сосед,

мой племянник, мой родственник стал православным и сказал мне это и то». Так благая весть от одного новообращенного распространяется порой на сотни километров вокруг.

А в других случаях это происходит через брак. В иных — от тех, кто нас посещает. Позвольте мне объяснить это подробно. У нас бывают гости, вот даже из Молдавии был человек в медицинской команде, которая приехала. Мы отправляемся служить в общину, предоставляя бесплатное лечение в деревнях. С врачами из Афин, из Салоник, и, как я сказал, даже из Молдавии. А там живут одни бедняки, и они обнаруживают, что врач идет в деревню и лечит какого-то человека или его жену, многие исцеляются. Это еще одно сообщение, посредством которого мы приобретаем верных. Таким образом верующие приходят к нам.

Как люди становятся священниками? У вас есть семинария?

Как я уже говорил, наша епархия достаточно новая. Когда я впервые сюда приехал, здесь было всего 7 священников, теперь у нас их 40. Кандидатов мы отправляем в большую семинарию в Найроби (Кения). Но когда мы отправляем наших студентов в Найроби учиться, у них возникают сложности с языком. Они говорят на суахили, а язык обучения в Найробийской семинарии — английский. Поэтому они возвращаются с совсем небольшими знаниями. Поэтому мы решили создать свою собственную семинарию. Оно работала несколько лет. Три или четыре года назад я закрыл ее из-за финансовых трудностей. Потому что у нас мало поддержки. Из этой семинарии мы получали кандидатов в священники и обучали даже катехизаторов. И если в начале у нас было 7 священников и 2 диакона, то теперь у нас есть 40 священников, большинство из которых выпускники той самой семинарии.

Можете ли вы рассказать немного больше о своем пути? Как вы стали священнослужителем?

Последнее немного связано с Русской Церковью. Моя мать была обращена в Православие, а вышла замуж за католика. Когда я родился, мать попросила отца крестить меня в Православной Церкви. Он разрешил, я был крещен православным. Но когда я закончил начальное образование, приходской священник решил отправить меня к местному епископу. Рядом с местным епископом была средняя школа. И этот епископ принял меня и заботился обо мне, как будто я был его братом. Так я закончил среднюю школу, а затем нынешний архиепископ Албании Анастасий направил меня изучать богословие в Афинском университете. Но когда я закончил, мне было нелегко принять решение стать священником. В конце концов я отправился

на Святую Гору Афон. Там один старец напутствовал меня так: «Пожалуйста, съездите в Эссекс (Англия), и встретитесь с отцом Софронием (Сахаровым), и что бы ни сказал вам отец Софроний, примите это как окончательное решение». И я стал священником благодаря отцу Софронию.

Не могли бы вы рассказать нам о приходской жизни в вашей епархии? Я полагаю, что африканская культура очень интересна, особенно нам.

У нас все прихожане едят вместе после службы, и после еды танцуют под африканскую музыку. Танцуют и священники и епископ. Помню, когда я поехал в Финляндию, финны задавались вопросом, как может танцевать православный епископ. Африканский епископ в африканской стране вполне может танцевать. Во время танца мы играем на барабанах. В этом разница между православными в России и Греции и православными в Африке.

Можете ли вы рассказать о жизни людей? Что они едят, как они работают?

Большинство людей в Танзании — это крестьяне, которые обрабатывают небольшие участки, чтобы получить немного еды. Если урожай больше, чем нужно, они продают его, чтобы купить другие необходимые вещи. Лучшая еда для людей в Танзании это... бананы. На самом деле Танзания — очень большая страна, не такая большая, как Россия, конечно (улыбается). В разных регионах люди едят разные вещи, но область, где я служу — это бананы на севере, чуть ниже — рис, а еще — хлеб из кукурузы. Так что вот список лучших продуктов: рис, бананы и хлеб из кукурузы.

Я уверен, что в вашей жизни случались какие-то необычные события?

Я расскажу о двух событиях. Недавно я посещал Флорину (Греция). Оттуда к нам в Африку приезжал миссионер, а точнее пара. Они были в браке в течение нескольких лет, но не имели детей, но очень хотели. И когда они приехали к нам, они попросили молитв. Мы молились вместе, переходя от общины к общине, вместе совершали утреню, Литургию, повечерие. И когда они вернулись сюда за короткое время, женщина забеременела и родила. Они говорят, что это беременность из Африки. Когда я к ним приехал, муж вышел меня встречать с тремя детьми.

Еще один недавний случай. Когда я служу, я делаю это как священник, потому что у меня нет других священников, они разбросаны по деревням. Поэтому

я делаю это как священник, а не как епископ. И дети из окрестностей приходят. Маленькие дети, которые не ходят в школу. Во вторник, четверг, субботу и воскресенье мы совершаем богослужения, но в воскресенье я обычно отправляюсь в общины, где есть священники. Дети посещают богослужения и после службы я даю им конфеты, приношу хлеб, бананы и все, что у нас есть, прежде чем они вернутся на свои места.

Однажды они пришли, как обычно, на службу, но когда я спросил своего повара, есть ли у нас что-нибудь на складе, он сказал: «Ничего, и если мы не пойдем сейчас за покупками, даже не будет обеда». Я посмотрел на своих детей. Что же делать? Было их трое. У меня есть дерево авокадо. Мне пришла в голову идея, может быть, мы сможем пойти и раздобыть авокадо, когда они созревают, они падают. Это высокое дерево. «Детки мои, пойдем посмотреть, можно ли найти авокадо» — сказал я им. Мы пошли и нашли только два. И другой маленький ребенок начал плакать, которому не досталось плода. Тогда один из двух, кто получил, сказал: «Пожалуйста, владыка, вы человек Божий, попросите Бога послать еще один, чтобы еще один упал, для нашего брата, который плачет». Я сказал: «Мы все люди Божьи, давайте попросим вместе». Мы совершили молитву и упал еще один плод, и мы отдали его нашему маленькому брату, который плакал. Для меня это большое чудо.

Беседа проходила во время торжеств по случаю престольного праздника кафедрального собора г. Катерины (Греция) в праздник Вознесения Господня.

Беседовали Александр Андреев и иеромонах Афанасий (Букин).

ЗАТЕРЯННЫЕ В ТУНДРЕ: СЕВЕРНЫЙ ДНЕВНИК

Священник Андрей Бондарев

После Академии студенты распределяются для двухлетнего служения в совершенно разные уголки нашей страны. У каждого, еще вчера молившегося с нами в одном храме, обедающего за одним столом – начинается особая, недоступная нам жизнь. Большая и ответственная. В основном, это суровая жизнь миссионеров Русского Севера. Публикуем небольшие очерки о жизни на Ямале выпускника Академии священника Андрея Бондарева. О духовном смысле и значении этих двух лет жизни вдали от всех для молодого священника.

Особое время

Шесть лет в духовной академии стали важной главой в моей жизни. Среда сильно влияет на человека, обтесывает, задает координаты будущего движения. Это особенно понятно во время обучения в духовной семинарии. Первокурсник тут всегда выделяется из общей массы. Он другой. Несет на себе печать общества в котором воспитан. Все изменяется когда в жизнь входит дисциплина, богословие и богослужебная практика.

Подросток быстро взрослеет. Семинарист постепенно становится носителем особой культуры, будущим пастырем. Влияет на человека город в котором проходят годы формирования личности. Санкт-Петербург обладает уникальной атмосферой. Нигде так не чувствуется связь времен. Уникальна и духовная академия, она несет на себе отпечаток высокой богословской культуры прежних поколений. Ее стены и коридоры помнят шаги и дыхание многих святых: преподобных, святителей, новомучеников, исповедников Церкви.

Общение с преподавателями, дружба, опыт научной работы — все это навсегда изменило меня. Невидимым рубежом стал выпускной день. Семинарию сравнивают с монастырем. Студент становится послушником. Выпускной — момент когда приходит время покинуть свою обитель, для того, чтобы поделится духовной и интеллектуальной красотой, впитанной в стенах академии.

Пишу эти строки с севера

Незадолго до выпуска узнал, что командирован в Ямало-Ненецкий Автономный Округ. Предстояло долгое путешествие в Арктику. Простившись с друзьями и Академией, я отправился в пугающую холодом (во всех смыслах) неизвестность. Я родом из Крыма, и перед длительной командировкой поехал домой. От этого еще сложнее было представить, как с теплого Черного моря придется добираться до ледяного Карского. Запомнился последний день в Крыму перед отъездом. Охватило чувство растерянности. Впервые за много лет покидал родной город в полной неопределенности. Жизнь сделала еще один крутой поворот.

Путь из Крыма на Ямал не близкий. С супругой добрались до Анапы через керченскую переправу, затем на поезде до Москвы. С Ярославского вокзала на север отправляется фирменный поезд «Полярная стрела». Через Вологду и Архангельскую область состав достигает республики Коми и затем вторгается во владения Полярного Урала. За окном вагона теперь — лесотундра, над составом нависают заснеженные горные вершины. Это Ямал. Здесь начинается Сибирь.

Поезд прибывает в Лабытнанги. Железная дорога упирается в великую сибирскую реку Обь. Переправа. Паром причаливает к песчаному берегу полуострова Ямал, раскинувшего полотно тундры до самого Карского моря. На причале паром встречает огромная фигура мамонта, хозяина древней Сибири.

Город Салехард, в прошлом Обдорск, является единственным в мире городом,

расположенном непосредственно на полярном круге. Отсюда начинается заполярье, великая Арктика. Именно здесь мне предстояло стать священником, совершить первые шаги на выбранном пути. Я прибыл в Салехардскую и Ново-Уренгойскую епархию в распоряжение архиепископа Николая (Чашина). Мне предстояло заниматься миссионерской деятельностью на Крайнем Севере.

Что значит быть священником?

Для меня этот вопрос остается открытым. Главное призвание священника — совершать таинства, молиться и проповедовать. Как передать словами что испытываешь, когда совершаешь первую Литургию в своей жизни, впервые крестишь, впервые принимаешь исповедь? В таинстве священства заново рождаешься. Это похоже на заново пережитую встречу с Богом. Как следствие — заново знакомишься с собой и окружающими.

Меняются отношения даже с самыми близкими. Потому что ты теперь другой. Это не эмоциональное переживание, в душе происходит что-то незнакомое, чего никогда еще не испытывал. Становится очень светло внутри, как никогда еще не было. Это состояние невозможно перепутать ни с чем. Это опыт. Опыт невозможно передать словами. Но можно предложить окружающим стать причастными этому опыту.

Можно стать свидетелем прикосновения Бога к душе человека. В этом залог успеха проповеди о Христе. Пережить встречу с Богом, после которой не можешь молчать. Во время рукоположения священник дает обещание пожертвовать себя на служение Богу и людям. Но это только начало. Это только

намерение, которое способно изгибаться подобно волне, спадать на нет и возвышаться до небывалой высоты. За чертой хиротонии священника ждет полоса препятствий. На первый план выступает понятие выбора. Ведь именно этого ждет от каждого Бог, решимости выбрать Христа в каждом поступке, в каждой мысли.

Священник входит в зону взаимоотношений с Богом, где Его ожидания удвоены, а значит удвоена ответственность за принятые решения. 21 сентября, на Рождество Богородицы, я сделал шаг навстречу Богу, стал священником, в то время как Он уже сделал тысячу шагов навстречу мне.

Когда молодой священник приступает к служению после рукоположения, скорее всего, он уже имеет представление о том, что его ждет. Долгие годы мы наблюдаем за жизнью других священников, делаем выводы, глядя на образ их мыслей, поступки. Но, как я понял, такой сторонний взгляд совершенно не дает понятия о скрытых трудностях и внутренней борьбе, незаметной для посторонних глаз. Я опирался лишь на внешние данные, и как результат — сложилось неполное, или совсем неверное представление о том, что значит быть священником.

Арктика

В Арктике священническое служение имеет свою специфику. Крайний Север — трудная территория. Столица Ямала — Салехард, в котором мы живем — дважды в год становится отрезанной от мира. Весной, когда лед непрочный, и осенью, когда лед только начинает сковывать реку — переправа закрыта. Несколько недель в Салехард невозможно

завести продукты, материалы. Жизнь тут останавливается. К Салехарду еще нет мостов, нет дороги с Большой земли.

К плюсам такой ситуации можно отнести то, что в городе нет «посторонних» людей. Нет больших проблем с преступностью, со случайно оказавшимися здесь личностями. Из-за сильных морозов в городе практически нет бездомных и бродяг. Все заняты своим делом. Север — не место для слабых.

Лично для меня открытием стали полярные поселки. Они стали моим практическим экзаменом. Благополучие большого северного города резко контрастирует с жизнью в отдаленном полярном поселке. Это характерно для каждого региона, но наиболее остро ощущается на Крайнем севере. В культурном плане эти населенные пункты отстают гораздо больше даже северных городов. На первый взгляд кажется, что произошла остановка на отметке 80-х годов прошлого века. Но, проведя в поселке несколько дней, начинаешь понимать, что население неоднородно. Часть жителей приехали на заработки с «большой земли». Многие из них приехали еще в советские времена, получали образование в крупных городах, поддерживают отношения с корнями на юге.

Большинство же жителей поселков — представители коренных народов севера, жители тундры. Их культура резко отличается, она практически не тронута цивилизацией. Все в их жизни восходит к глубокой древности. Язык, искусство, одежда, воспитание, профессии, верования — все это культура, чрезвычайно близкая к первобытной. Когда впервые я остался среди кочевников, сразу вспомнил о северо-американских индейцах, живущих

в резервациях среди современного техногенного общества Америки. Генетика определяет корни индейцев как раз в народах Сибири.

Попадая в отдаленный полярный поселок — оказываешься в древности. В современном мире культурная пропасть между поколениями: родителям трудно понять детей, культура меняется слишком быстро. До последнего времени кочевникам во многом удавалось сохранить преемственность поколений. Простота уклада быта и суровые природные условия определяли судьбу будущих поколений. Сегодня эта ситуация быстро меняется. С каждым годом цивилизация все больше вторгается на просторы тундры, принося с собой свои правила, устанавливая свои порядки. Оленевод получил быстрый снегоход, генератор, бытовую технику, молодое поколение воспитывается в школах интернатах в отрыве от национальных традиций кочевников. И тут разрыв между родителями и детьми — катастрофический. Многие дети больше не вернутся в тундру, попытаются стать частью современного общества, воспользоваться возможностями, которые открывают образование и квалифицированный труд.

Православные индейцы

Несмотря на то что современные оленеводы-кочевники считают себя язычниками, они носят русские имена, в их домах есть иконы. Их предки уже встречались с миссионерами в девятнадцатом веке, принимали крещение целыми деревнями. В советские времена проповедь умолкла на долгие десятилетия.

Сегодня разговор о Боге с кочевником проходит с большим трудом. Священник бывает в отдаленных поселках редко: сложно и дорого добираться. Во многих местах стоят часовни, горят свечи, небольшие общины мирян ждут, когда прилетит на вертолете миссионер из далекой епархии.

Прилетая в поселок, встречаешь людей, желающих вести церковную жизнь, но не имеющих возможности. В поселке нет священника, а до ближайшего храма триста километров по тундре. В этих оторванных от мира местах встречаешь разных людей, у каждого свой удивительный путь и взаимоотношения с Богом. Сильные личности несмотря ни на что совершают свое дело, но есть и те кто опустил руки. В поселке это выражается в тяжелом пьянстве, принимающем опасные масштабы. Дурной пример заразителен, плохое поведение без лечения распространяется по поселку, подобно раковой опухоли.

Для того, чтобы появился пример добрый, необходимо воспитание на христианских основах, а для этого нужен храм, священник-миссионер.

Оказавшись в затерянных в тундре поселках, в сознании не укладывается — как возможно что-то изменить священнику за несколько дней пребывания. Что я могу сделать в тяжелой атмосфере порока? Мне довелось увидеть крайнюю духовную нужду людей оторванных от мира и Бога, увидеть в самом начале моего пути. Это стало моим духовным экзаменом. Я стал свидетелем того, как огромна пропасть духовной пустоты в душах людей, которую призван заполнить словом Божиим я — священник-миссионер.

Поэтому этот этап жизни для меня — особенно важный.

«БЕГЛЕЦ» В КИНЕМАТОГРАФЕ И ПРОЗЕ

Протоиерей Евгений Горячев

В 1947 году американский режиссер Джон Форд снял полнометражный черно-белый фильм «Беглец», который стал единственной, хотя и не вполне удачной экранизацией выдающегося романа Грэма Грина «Сила и слава».

Сразу же заметим, что для послевоенного кинематографа созданное Фордом произведение было и цельным, и респектабельным, выбор же актеров на главные роли – просто превосходным. И все же с острыми моральными вызовами литературного первоисточника режиссер не справился. Почему? Возможно потому, что он испугался травмировать ключевыми гриновскими идеями тогдашнюю пуританскую Америку. И поэтому вместо глубокой, в чем-то эпической религиозной драмы, Форд предложил соотечественникам и зрителям всего мира добротное, героически-благочестивое, но совсем не похожее на роман кино.

Сюжет.

В охваченной революцией Мексике идут масштабные гонения на католическую Церковь. Христианство объявлено мировоззренческой и социальной эпидемией, которую необходимо искоренять как опаснейшую заразу всеми доступными способами. В некоторых регионах страны преследования за веру достигают невероятной жестокости. Таким страшным местом в реальной истории 30-х годов XX века становится мексиканский штат Табаско, – таким же он предстает и в романе Грина. Все церкви здесь разрушены или переоборудованы для каких-то иных гражданских целей, любая религиозная атрибутика и литература запрещены, священники беспощадно уничтожаются, за исключением тех, кто публично отрекся и согласился жить, нарушив обет celibата. Пастыри, которых не успели расстрелять или склонить к отречению, бегут за границу и в относительно благополучные соседние штаты. В итоге, на этой земле больше некому крестить детей, некому исповедовать кающихся, отпевать усопших, служить мессы. Клерикальная проповедь кажется, здесь совершенно немыслимой, но, к счастью, это не так. В Табаско остался еще один, до сих

«Никто так не понимает христианства,
как грешник. Разве что святой»

Шарль Пеги

пор не пойманный революционерами-краснорубашечниками католический падре, который продолжает быть для несчастных верующих тем, кем его призвал быть Иисус Христос – «пастырем добрым» (Ин. 10: 11–14).

Естественно, что, в конце концов, и этот христианский служитель, не будучи «наемником», умирает за свое «стадо». В романе и в фильме это отчасти напоминает нам события страстной седмицы. Понуждаемый предателем-метисом к исполнению своего пастырского долга и абсолютно уверенный в том, что его заманивают в ловушку, главный герой, тем не менее, отказывается от побега в более безопасный штат и делает то, что должен. В результате он гибнет, заслужив неожиданное уважение и своего предателя, и своего безжалостного идейного врага. Но со смертью последнего падре зло не становится всемогущим. Утром следующего дня к немногочисленным верующим главного города штата Табаско тайком приходит новый священник.

Кино и книга.

В голливудском фильме священник назван беглецом лишь условно, поскольку по ходу картины зритель видит его хотя и чрезвычайно скромным, но отнюдь не трусливым человеком. Католический падре у Форда – это хорошо узнаваемый самоотверженный мученик, по сути, «антибеглец», который идет на смерть и принимает ее столь же стойко, как и христианские мученики первенствующей Церкви.

В романе все иначе. Там тоже присутствует образ некоего юного мексиканского праведника по имени Хуан, который к тому же является новомучеником, но для писателя это фальшивый образ стилизованного героя из стандартной благочестивой книжки, которую на протяжении всего повествования читает своим детям на ночь их верующая, слегка экзальтированная, мать, в то время как действительные богочеловеческие сила и слава наполнены в произведении Грина совсем другим, подчас парадоксальным смыслом.

«Каноничный», придуманный за письменным столом Хуан – светлый ежесекундный подвижник, любящий всех на свете, и безбоязненно встречающий любые жизненные невзгоды, включая свою собственную насильственную смерть. Реальный гонимый священник совсем другой. Он словно отовсюду съездившийся, духовно надломленный, абсолютно бесправный и бесприютный человек, который носит на совести тяжелый неисповеданный грех, и который борется с большинством своих бед и страхов вовсе не молитвами. Жители штата называют главного героя пьющим падре, естественно делая это с оттенком пренебрежения. Но падре не обижается, поскольку и сам не в восторге от своей репутации. В ночь перед расстрелом его внутреннее самообличение достигает наивысшей точки. «Последние восемь лет – тяжелых, безнадежных – показались ему теперь карикатурой на пастырское служение: считанные причастия, считанные исповеди и бесчисленное количество дурных примеров... Какой я нелепый человек, подумал он, нелепый и никому не нужный. Я ничего не сделал для других. Мог бы и вовсе не появляться на свет... Слезы лились у него по щекам; в эту минуту не проклятие было страшно ему, даже страх перед болью отступил куда-то. Осталось только чувство безмерной тоски, ибо он предстанет перед Богом с пустыми руками, так ничего и не совершив».

Книжный Хуан – заложник стереотипа, каким должен быть праведник – умирает картинно-восторженно, громко молясь за своих убийц и при этом славя Христа-Царя. Антиподом ему выступает реальный, пропитавшийся запахом бренди и отчаяния человек, приговоренный к смерти только за то, что он священник, и который не скрывает своего панического ужаса перед последней физической болью. Страх перед ней парализует все его движения, заставляет ноги подкашиваться, и поэтому на казнь его ведут, волоча под руки.

Сцену расстрела писатель воспроизводит с точностью профессионального фотографа, критически сравнивая свои собственные «снимки» с лубочными трафаретами, наполняющими многовековую церковную историю. «Все шло быстро, по шаблону. Офицер отступил в сторону, полицейские взяли ружья на изготовку, и маленький человек вдруг судорожно взмахнул руками. Он хотел что-то сказать. Что положено говорить в таких случаях? Тоже что-нибудь шаблонное, но у него, наверное, пересохло во рту, и он выговорил единственное слово – кажется, «простите»... После залпа раздался еще один выстрел, офицер сунул пистолет в кобуру, а маленький человек остался лежать у стены жалкой бесформенной грудой тряпья, которую надо поскорее убрать».

«Сила Моя в немощи совершается».

В романе есть, по меньшей мере, два эпизода, в которых парадоксы христианской силы и славы заслуживают удивления самих героев. Вначале это происходит в диалоге двух посторонних свидетелей:

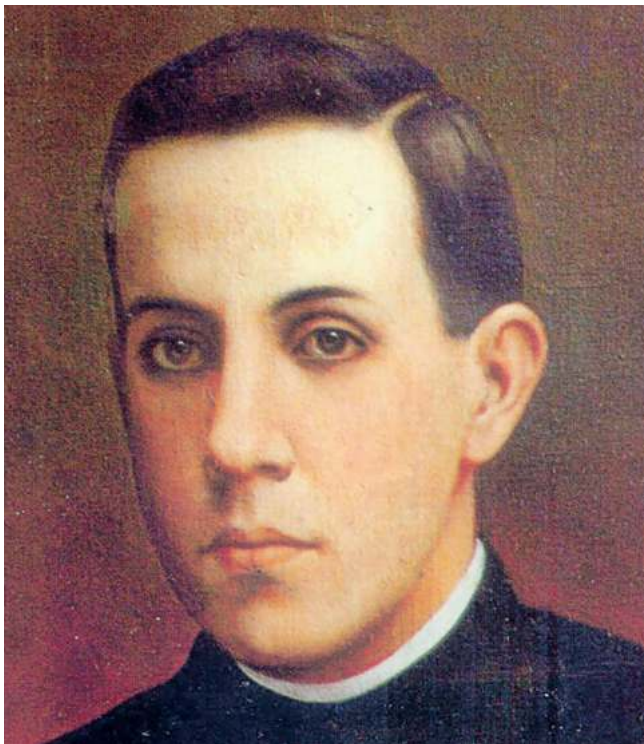
– Такой человек – и вдруг мученик? Никогда.

– Как ты там не суди, а он продолжает делать свое дело... Нас все забыли... Что же касается церкви, то церковь – это и есть пьющий падре. Других я не знаю».

Затем данному парадоксу удивляется сам падре: «Какой он, наверное, был несносный в те (мирные дореволюционные) годы – несносный, но все же более или менее чистый нравственно. Вот еще одна тайна: иногда ему казалось, что грехи простительные – нетерпение, мелкая ложь, тщеславие, упущенные возможности творить добро – отрешают от благодати скорее, чем самые тяжкие грехи. Тогда, пребывая в своей чистоте, он никого не любил, а теперь греховный, развращенный понял, что...».

То, что недоговорил в романе грешный падре необходимо договорить нам. Понятно, что в христианской истории всегда были и продолжают встречаться безупречные нестигаемые герои духа. Некоторые из них явили эту безупречность даже в своем мученичестве. Но Грин не считает, что в этом вся новозаветная правда о человеке. Иногда острое переживание своих тяжелых, подчас неотпущенных грехов и общей жизненной никчемности дает христианину силы именно там, где его более благополучные собратья бессильны. Вот почему плохой падре остался (и в этом тоже слава Господня!), в то время как все остальные приличные клирики разбежались.

Значит ли это, что для того, чтобы с честью перенести гонения за Христа человеку необходимо вначале сделать нечто постыдное, а затем, не торопясь в этом покаяться? Нет, конечно. Пусть будет все не искусственным. Но культивировать в себе ощущение собственной безупречности не стоит точно.

«Из-за вас хулится имя Божие перед человеками» (Рим. 2: 24).

Роман «Сила и слава» никогда не перестанет быть актуальным еще и потому, что в нем помимо описания особенностей христианского восприятия подвига и страданий, поднимается вопрос о причинах случившегося в штате Табаско. Действительно, а почему вдруг некоторые его жители, в прошлом совсем не язычники, будучи в подпитии, признаются друг другу в немыслимом?! «Первое, что мне запомнилось более менее ясно, – не спеша начал начальник полиции, – это мое первое причастие. Ах, какой душевный трепет оно вызвало! Я стоял в окружении родителей... Но вот такая ирония судьбы. Мой тяжкий долг повелел мне присутствовать при расстреле того старика, священника – от которого я принял первое причастие. Не постыжусь признаться, но у меня лились слезы». Писатель справедливо не желает объяснять такую чудовищную метаморфозу одной лишь врожденной inferнальностью мексиканских революционеров, в рассказе шефа полиции не зря упомянуты слезы, но ответы на суть национального антиклерикализма и богоборчества даны нам в другом месте и другими героями.

Лейтенант – главный враг католического падре — убежденный фанатик. В романе он иступленно пытается «отдать соотечественникам свое сердце, не выпуская из рук револьвера». В настойчивых попытках причинить мексиканцам вещественное бездуховное счастье, невзирая на вопли их ужаса, командир краснорубашечников, одновременно и страшен, и смешон. Но в одном он все же прав: духовенство его страны накануне революции было неумно алчным и фарисейски-высокомерным;

порой носители сутаны сознательно разрушали свой авторитет, эксплуатируя самые дремучие человеческие суеверия, при этом большинство из них никогда не смело публично заступиться за жертв властного произвола и социальной несправедливости. «Вспомни лучше, – сказал лейтенант, – что ты сделал в Мексике для нас? Запретил ли хоть раз помещику избивать пеонов? Да, знаю, знаю, в исповедальне, может, и увещевал его, но твой долг тотчас же забыть об этом. Выходишь из церкви и садишься с ним за обеденный стол, и твой долг обязывает тебя не знать, что он убил крестьянина».

Священнику нечего возразить на эту гневную правдивую тираду. Более того, на фоне происходящего в штате Табаско, какими нелепыми представляются ему теперь все его официальные дореволюционные отчеты о всевозрастающей и успешной приходской деятельности, о том, что: «число членов общества «Дети Девы Марии» выросло на девять человек, а «Общество святого причастия» минувшей осенью превосходно провело ежегодную неделю молитвенного уединения» и пр. Бездна национального бунта разверзалась у него под ногами, но он, как и все остальные священнослужители, отказывался верить в грядущую катастрофу, прячась за стенами своего приходского благополучия и за горами отчетных самовосхвалений, свидетельствующих о прогрессирующем влиянии католической Церкви.

Люди везде одинаковы — в Мексике, в России ли... Разочарованные и обиженные они могут стать мстителями. Жаль только, что обиды на недостойных христиан эти мстители зачастую переносят на Христа и Его Благоую Весть. Естественно, что убийцам религиозной веры в самих себе или в ком-то еще, от этого только хуже, однако и они, и их жертвы должны стать живым наглядным уроком, предметом внимательнейшего изучения для тех, кто пришел в этот мир уже после всех случившихся революций...

О ФИЛЬМЕ «МАТИЛЬДА»

Протоиерей Георгий Митрофанов

Я не являюсь поклонником творчества Учителя, но вкусы у людей разные. Также трудно сказать что-то исчерпывающее о самом фильме, так как, кроме трейлера, никто пока ничего не видел. Что касается истории взаимоотношений императора Николая II и Матильды Кшесинской, такая история была, и Учитель не делает никакого открытия, рассказывая о том, что между ними существовала любовная связь.

Но, будучи церковным историком, готовившим материалы к канонизации Николая II, я могу сказать, что это история, в которой будущий государь проявил себя как человек грешный, но при внимательном рассмотрении предстает в совершенно ином ключе.

Николай Александрович был очень послушным сыном, дисциплинированным офицером, человеком, который очень любил свою службу в гвардии. У него была мечта: вступить в брак с Алисой Гессен-Дармштадтской. Но он знал о категорическом нежелании родителей это допустить (у них была другая кандидатура для его будущего венценосного брака). Он от этого очень переживал, но не решался даже представить, что родители ему уступят.

При этом он вращался в гвардейской среде, где существовали неписанные правила: молодой гвардейский офицер мог участвовать в пирушках и иметь любовниц, но только пока он был холостым. Как только он вступал в брак, связь с женщиной на стороне могла стоить ему пребывания в гвардии. Это всегда считалось скандалом, и в таком случае он мог быть переведен в обыкновенную армейскую часть.

Кроме того, гвардейские офицеры должны были жениться только на дочерях потомственных дворян. Вступление в брак означало для офицера прекращение свободной жизни, но пока офицер был молод, любовные связи рассматривались как нечто вполне допустимое.

С любовницей нужно было вести себя в соответствии с определенными правилами, это должно было быть в определенной степени прикровенно.

Что касается Николая II, он, будучи очень чистым юношей, оказался в руках этой коварной женщины, и она нарочито пыталась утвердить себя в их отношениях. Были ситуации, когда он, боясь как-то оскорбить или унижить ее, вел себя с ней почти как с невестой. Это было вопиющим нарушением всех

неписанных правил. Стояла за этим его чистота, некоторый инфантилизм.

В ситуации, когда Николай Александрович, не чая обрести свое счастье с Алисой Гессен-Дармштадтской, оказался в связи с этой дамой, он пережил очень большую драму. Есть свидетельство о том, что обер-прокурор Константин Петрович Победоносцев, который был его учителем в детские годы, успокаивал государя и государыню, говоря, что, мол, пусть юноша ощутит себя мужчиной, ведь они его держали при себе до такого возраста, скоро всё пройдет, а заодно и Алису забудет.

В этой неприятной истории проступает то, что цесаревич, будучи молодым гвардейским офицером, в возрасте 23 лет, — был при этом очень чистым юношей.

Однако, отправленный в кругосветное путешествие, он вернулся с твердым убеждением, что добьется брака со своей любимой Алисой Гессен-Дармштадтской, что и случилось. К несчастью для бедной Алисы, которая попала в страну, где с ней, ее детьми и мужем так жутко расправились. Но прожил он с ней действительно счастливую семейную жизнь, и эта история юности не омрачала его отношения с очень волевой, ревливой Александрой Федоровной.

В принципе, можно было бы поставить фильм на эту тему, но подавать эту тему нужно объективно, и дело здесь не в том, что Николай II — канонизированный святой. У всех святых можно найти теневые стороны. Важно другое — что и в этой истории его личность проявила себя вполне определенным образом:

это человек, который не просто так на пустом месте создал свою очень хорошую семью. И это падение юношеское — свидетельство того, что личность его развивалась, в том числе в отношении семейной, личной жизни, в позитивном христианском ключе.

И если мы действительно считаем, что Николай Александрович — святой, не надо бояться отражать какие-то греховные пятна в его судьбе. Они потому и даются, чтобы мы поняли, что святыми становятся обычные, простые, нормальные люди, преодолевая свои немощи. Это не «терминаторы благочестия», которые рождаются сразу святыми, по средам и пятницам материнскую грудь в младенчестве не берут, и так далее. Таким нормальным человеком был Николай Александрович.

Но мне кажется, судя по трейлеру, это будет очередная развесистая клюква, которая не делает чести ни режиссеру Учителю, ни нашему кинематографу. А черпать знания по истории, о жизни святых Русской Церкви лучше не из кино, а из литературы.

Устраивать какие-то протестные акции, сжигать кинотеатры — это полный бред. Не говоря уже о том, что это безнравственно и греховно.

Что касается просмотра, то, как говорил святой апостол Павел: «Все мне можно, но не все полезно». Зачем тратить время на сомнительный фильм? Пускай лучше христиане посмотрят британский фильм «Король говорит» — получат гораздо больше интересной информации о личности государя. Правда, британского.

КАК МЫ «ТЕРПИМ» ДРУГ ДРУГА

Священник Илия Макаров

Несмотря на то, что мы живем в светском обществе, религия и Церковь играют большую роль в воспитании, формировании как нравственной личности, так и культуры, традиций народа. Поэтому именно о взаимодействии Церкви с обществом, ее влиянии на ценности, отражении религии в искусстве и культуре мы узнали у председателя Совета по культуре Санкт-Петербургской епархии иерея Илии Макарова.

КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА

Какое место, на Ваш взгляд, религия занимает в культуре и обществе сегодня?

Современная культура, на мой взгляд, во многом не подходит под высокое понимание этого слова. Наверное, сегодня даже сложно найти соответствие форм наших общественных проявлений в культурологии. Современность сегодня характерна своей разношерстностью, разномыслием, поэтому сформулировать главный принцип нашей цивилизации, культуры достаточно сложно. Многие философы используют термин «постмодерн», которым называют новые веяния уже несколько последних десятилетий, и ничего другого еще не придумали. По сути, после перестройки, с 1985 года у нас ничего нового не появилось – все еще идет постперестроечный период. Ничего глобально нового в культуре не создано, не придумано, не сформулировано. Почему? Потому что новое формируется на традиционности, а мы эту традиционность сегодня не используем. Поэтому, может быть, и место религии в современной культурной среде не определено. Потому что у нас неправильный посыл – мы считаем, что религия занимает место в культуре, а не формирует ее. Когда мы отказываемся от духовной традиции, мы теряем систему культурного сознания, поэтому сложно сказать – действительно ли у нас есть сегодня культуру. Я все-таки считаю, что культура – это не то, что мы надеваем или едим. Культура – это то, как мы мыслим и на основе каких смыслов созидаем. А кто сегодня эти смыслы формирует? Обращаемся ли мы к традиции за поиском этих смыслов? Необходимости вот такого понимания сегодня нет.

Поэтому сложно говорить о том, какое место занимает религия в этой непонятной культуре. Справедливым будет сказать, что для каждого человека есть свое понимание культуры и свое отношение к религии. И это неправильно, потому что мы все живем на одной планете, и говорить о том, что у каждого свое мнение, свое понимание культуры и свое отношение к религии, не совсем правильно. Из-за этого теряется

осознание единства общества, устремленности к одной цели, движения в одном направлении. А, если мы идем в разных направлениях, то не будет понимания единой национальной идеи.

Если невозможно определить место религии в культуре, может быть можно понять, как в целом религиозное сознание отражается в конкретной культуре? И отражается ли вообще?

Это, скорее, вопрос о том, что же такое культура сегодня. Если это – набор человеческих знаний, стереотипов и предпочтений, то, конечно, религия там может присутствовать или не присутствовать. Но, если под религией мы понимаем способ передачи духовного мировоззрения

другим поколениям, среду формирования человеческой личности, то состояние, где люди, общаясь, понимают друг друга и помогают в своем личностном и духовном развитии, передавая мировоззренческие ценности, которые формируют внутренний мир, то, безусловно, религия является основой такой культуры и ее отражение в этой культуре неизбежно.

Если это так, то может ли тогда религия в лице Православной Церкви влиять на культуру общества? И как?

Наверное, вопрос подразумевает, что человек верующий скажет, что Церковь не только может, но и должна влиять на культуру общества, на его нравственное состояние и правила жизни. Человек,

не считающий себя церковным, скажет: «а зачем это все нужно?». Но здесь, как мне кажется, необходимо различать религию как носителя нравственной, духовной, интеллектуальной мудрости и Церковь как хранительницу и выразительницу этой религиозной истины. Если мы воспринимаем Церковь исключительно как организацию, институт, состоящий из людей, то тогда у нас возникают сомнения, насколько я могу доверять представителям этого института. Чаще всего от светских людей я слышу именно такие вопросы: почему, собственно говоря, Церковь нас учит жизни?

Дело в том, что это не Церковь как сообщество учит жизни, а Церковь как хранительница божественной истины может рассказать, как мы можем приблизиться к идеалу нравственной жизни. У нас вообще должно быть какое-то связующее звено в обществе. А что может таковым быть? Таким звеном должно быть нравственное чувство внутри человека, тот нравственный

закон, о котором говорили многие богословы и философы. Вопрос только в том, кто формулирует этот нравственный закон. Религия говорит, что он сформулирован уже давно, еще при создании мира, божественным источником. То есть, источник этого закона – в Боге. И здесь невозможны никакие изменения. Когда есть ориентир на нравственный закон и на понимание, что источником этой нравственности является Бог, то тогда мы действительно воспринимаем религию и Церковь как хранительницу правил жизни. Чаще всего мы обращаемся к представителям Церкви за советом, за разъяснением, и в этом смысле Церковь не только может, но и должна быть одним из участников общественных процессов по формулированию правил культурной жизни.

Думаю, что в таком ключе мы можем говорить о том, что Церковь и религия сегодня способны оказывать влияние на современное общество в плане его нравственной и культурной жизни.

А с помощью чего Церковь такое влияние должна и может оказывать?

Мне кажется, наиболее успешным взаимодействием Церкви, общества и других институтов по формулированию принципов созидания современной культуры и оказания возможного влияния религиозного фактора на эту культуру может быть вопрос соработничества в сфере разработки и реализации глобальных программ в области культуры. У нас существуют государственные программы развития общества, они направлены на образование, культуру, социальную политику и так далее. Это достаточно емкие проекты. Если Церковь будет включена в этот процесс, если она будет полноправным участником создания подобных долгосрочных программ, то она сможет оказывать свое влияние. Причем, это влияние будет всем понятным, оно не будет казаться навязанным. Церковь способна убеждать, давать обществу пищу для размышления. Она никогда не стремится утвердить свое положение с помощью силы. Убеждение – это тоже сила, но если человек способен убедиться в правильности того, что ему говорят, то он это принимает абсолютно свободно и добровольно.

К сожалению, мы видим, что сегодня в нашем информационном пространстве Церковь лишена возможности высказывать свое мнение, например, в известных СМИ, на ведущих телеканалах, сайтах. Да, она имеет свои телеканалы, свои СМИ, но не имеет возможности быть представленной в широкой общественной жизни. И к ней обращаются только тогда, когда это нужно государству или обществу, или, когда происходит какое-то событие, с ней связанное – тогда Церковь дает какие-то комментарии. А я считаю, что представители Церкви не должны быть комментаторами. Церковь должна быть полноправным участником общественной жизни, экспертом, к которому неминуемо нужно обращаться за разъяснением вопросов, связанных с формированием культурной жизни и развитием духовно-нравственной культуры современного общества – и тогда это будет способом влияния на современную культуру.

В 2017 году мы вспоминаем столетие начала подвига новомучеников и исповедников. Что мы должны знать об этих людях и почему?

Как ни странно, именно эта тема вызывает противостояние в современном обществе. Я столкнулся с тем, что в среде интеллигенции есть непонимание необходимости узнавания истории, связанной с новомучениками Церкви Русской. Хотя этот столетний период нам легче осмыслить с позиций новомучеников, а не с точки зрения столетия провозглашения русской революции. Празднование русских революций нам не даст положительного опыта по осмыслению духовного состояния современного общества. А вот, если мы посмотрим на это столетие со стороны страданий, гонений, то мы глубже сможем осмыслить духовную реальность и лучше поймем все то, что с нами за эти сто лет произошло. И здесь должны быть все подключены: и историки, и культурологи, и искусствоведы, и, конечно, представители Церкви.

И как раз этот момент, связанный с историей новомучеников, вызывает отторжение со стороны светской интеллигенции, например, у педагогического, культурного сообществ, даже у представителей искусства. Это интеллектуально-эмоциональное противостояние и вызывает мое беспокойство – сможем ли мы за этот год понять друг друга и договориться об этих концептуальных моментах по осмыслению нашей истории и нашей культуры?

Почему именно через подвиг новомучеников это лучше всего сделать? Часто так бывает, что не только положительные моменты какой-то эпохи остаются в истории, но и отрицательные. Но, если эти отрицательные моменты послужили началом к обновлению, началом возрождения и созидания нового на более высоких позициях? Подвиг новомучеников был именно такой. Мы даже можем сегодня утверждать, что благодаря их подвигу сохранился нравственный код в русском обществе. То есть, они своим подвигом, своей смертью, убедили большинство русских людей в том, что православные ценности являются для них основными. Если бы этого подвига не было – мы бы сегодня имели другую Русскую Православную Церковь, другую Российскую

Федерацию и совершенно другое нравственное состояние российского общества. Несмотря на многонациональность и многорелигиозность у общества должна быть единая основа, и мы сегодня можем утверждать, что духовной основой в истории, в культуре и в общественной жизни России являются христианские ценности. И в этом как раз и есть заслуга новомучеников. Но недостаточно только сказать о том, что мы их почитаем. Важно понять, какая жизнь была тогда, что побудило их совершить подвиг и почему вообще их подвиг стал возможным. Необходимо понять, что с нашим народом произошло в XX веке и почему.

О РЕЛИГИИ

Вы сказали, что Христианство является основой нравственной жизни, но как же тогда идея о толерантности и веротерпимости?

С толерантностью все очень просто. Если мы ее будем понимать так, как она и должна пониматься – как терпимость к чему-то, то далеко мы не уйдем – это лишь частные случаи общественной жизни. Да, мы должны быть терпимы, в том числе, и к плохим проявлениям нашего соседа. Христианство говорит нам «тяготы друг друга носите» – и именно в этом заключается Христов закон, но понимать и принимать невысокое нравственное состояние своего соседа – это не тоже самое, что давать ему возможность свою безнравственность пропагандировать и распространять. То есть, мы не будем его за это репрессировать, но мы не дадим ему возможность свой неправильный образ жизни распространять за пределами его квартиры. Я имею в виду представителей православной общественности, например, которые достаточно заметно об этом говорят. Какой должна быть толерантность? Она должна быть терпимостью к тому, что не все люди совершенны? Или она должна быть вседозволенностью в отношении любого человека, в том числе и разрушителя, и убийцы? Это разные вещи.

Что касается веротерпимости – она была свойственна жизни России и сто лет назад, и сейчас. Наша конституция все говорит за нас – она

подчеркивает равенство религий перед законом, а Федеральный закон о свободе совести говорит о том же самом, но выделяет особый статус Православия перед историей и культурой России. Поэтому «веротерпимость» – не очень хорошее определение, слово «терпимость» не очень удачное. Уважение взаимное – это безусловно. Я не собираюсь «терпеть» мусульманина рядом с собой – я его уважаю, я даже его способен любить как человека, я признаю особенность его религиозного мировоззрения. Но я не терплю его – потому что, если я терплю, то это значит, что мне что-то не нравится, мне некомфортно. Поэтому мне кажется не корректным это понятие. Слово «дружелюбие» было бы лучше применить вместо «толерантности».

Другой вопрос – что является духовной основой жизни российского общества. Основ не может быть несколько. Если в Федеральном законе такой основой провозглашена православная культура, то я думаю, что все другие конфессии с этим спокойно могут согласиться, и это никак не ущемит их права. Как только российское общество поймет, что оно живет по духовным законам православного христианства, тогда для всех других религий наступит рай в России, и никто никого не будет ущемлять, и никто никого не должен будет терпеть, потому что все друг друга будут уважать.

Но ведь никакой мусульманин, даже, если он осознает исторические корни, никогда не согласится с тем, что у нас христианская основа в обществе?

Ну а куда же он тогда денется против того, что 80% жителей России себя считают последователями православного мировоззрения? Я думаю, что большинство жителей России не согласятся с тем, что мусульманская культура для нас является духовным основанием в России. Если с этим не соглашается какой-нибудь мусульманин, то какой у него есть выбор? Ну не обособить же Татарстан от российской жизни? Нет, мы не должны на основе религиозных взглядов призывать к политической дестабилизации. Но, в то же время, мы не можем создавать иллюзию абсолютного равенства всех религий ради

политической стабильности. Потому что она все равно будет зыбкой, если мы не расставим духовно-культурные приоритеты. Поэтому придется понять и согласиться с тем, что есть основная духовная культура в России, есть и другие духовные культуры, но не может быть многокультурности. Это уже проходила Европа, и ей не удалось установить идею мультикультурализма.

По статистике большой процент населения – это люди, которые себя называют православными, и Вы об этом тоже ранее сказали. Но на деле их Православие ограничивается походом в церковь два раза в год. Как определить

эту грань между человеком православным и просто верующим, как найти баланс?

К сожалению, наверное, это происходит потому, что у нас осталось советское наследие. Сегодня мы идем по пути европейского общества, когда религиозная жизнь воспринимается как музейный экспонат, как наследие культуры, но не жизненно важная конкретно «для меня». Поэтому мы идем в церковь на Рождество Христово, на Пасху точно так же, как мы пойдем в театр на «Лебединое озеро» Чайковского. Считается, что любой культурный человек обязан послушать Чайковского и посмотреть «Лебединое озеро» – и в религии тоже самое. Какой же я православный человек, думают многие, если не приду на Пасху освятить куличи, а на Крещение не возьму святой воды? И это беспросветный путь духовной жизни,

он очень скоро может сделать с человеком то, что сейчас происходит с Европой – сначала мы воспринимаем религиозную жизнь как реликт европейской культуры, а потом мы сдаем храмы под ночные дискотеки и черные мессы поклонников «рогатого».

В советское время из храмов делали кинотеатры и овощные базы, я думаю, что повторяться нам не нужно. Понять, что поход в церковь – это не то же самое, что поход в театр, а это – прикосновение к духовной реальности, которая влияет на тебя и способна изменить твою жизнь, если ты этого захочешь – вот это важно донести современному русскому человеку.

Как это донести?

Сегодня церковь пытается это сделать через образовательный курс «Основы православной культуры» —

чтобы ребенок действительно понимал, что такое духовная жизнь, что такое религия, что такое православие для русского человека. Это мы пробуем донести и через присутствие Церкви в СМИ – но она должна присутствовать именно своими смыслами, а не какими-то скандалами, которые чаще всего привлекают внимание журналистов, а иногда даже специально ими создаются. Важность донесения правильной информации жизненно необходима как для конкретного человека, так и для всего государства.

Поход в церковь два раза в год или исключительная обрядовость – это какой-то бич русского общества, мы на этом уже споткнулись в 17 веке, снова это всплыло в начале века 20-ого, и опять мы сегодня к этому вернулись. Нужно эту «обрядовость» больше переводить в разговор именно о внутренней, личностной, духовной составляющей, о возможности общения человека

с Богом, а священник должен быть для человека проводником к такому общению, и храм самым удобным для этого местом в мятущемся мире.

Вы не раз упоминали о том, что Церковь выступает за сохранение традиций, но как сегодня совместить современную культуру с ее новыми правилами и традиционную религию?

Здесь нет противоречия. Нам просто нужно очень детально рассмотреть и самим для себя определить, что такое традиция и что такое новшество. Это есть и в культуре, и, между прочим, в религии. Не надо думать, что религия – это нафталином покрытый музейный экспонат, ископаемый реликт, которым можно лишь только полюбоваться со стороны, и это никак не повлияет на твою личную жизнь, на конкретную ситуацию, связанную с тобой в современности. Какое-то время так, например, относились к духовной музыке. В советское время могли сходить на концерт духовной музыки, в 70-е годы это уже было возможно, ходили даже специально в храм, чтобы послушать духовную музыку, но слушать музыку для психологического успокоения или слушать ее для своего собственного осмысления, для рефлексии, для миропонимания – это разные вещи. Если относиться к музыке очень серьезно и осознавать, что это важнейший элемент человеческой культуры, через который человек не только может выразить свои эмоции, но даже познать мир, тогда можно понять, что духовная музыка совершенно особым образом влияет на человека.

Точно также нужно относиться и ко всей религиозной сфере как таковой. Это не законсервированные приятные моменты прошлого. Как мы понимаем, консервы обычно лишены всяких полезных свойств – там остается только вкус, а питательной пользы мало. Церковь – не консервы. Она как раз то, что консервирует. Она консервирует основные смыслы – то есть, не дает им пропасть в истории. Но кто еще, если не религиозная культура скажет человечеству о том, что мыслилось две тысячи лет назад? Какая другая

сфера общественной жизни, или может наука об этом скажут? Наверное, история нам скажет. Но, опять же, когда не было письменности – какая там история? Только археологическая, но там уже только догадки. Религиозный же опыт передается из поколения в поколение на очень большие временные расстояния, даже, когда это напрямую не связано с письменными источниками как таковыми. Мы прекрасно знаем, что те же тексты Библии сначала проговаривались, а спустя какое-то время только фиксировались на бумаге для человеческой памяти. Настолько долго и достаточно точно сохранять моменты человеческого знания, мировоззрения, ценностей может именно религиозная сфера? В этом плане я бы сказал, что она консервативна именно в смысле способности «консервировать», то есть сохранять для потомков. Причем духовная культура сохраняет все полезные свойства сбереженного для человечества сокровища, потому что оно хранится уже не людскими, а божескими усилиями. А наша духовная традиция в этом понимании – своего рода закуска, на которой потом появится тесто, из которого мы испечем новый каравай духовной жизни.

А если в культуре нет духовного стержня, то она не способна к сохранению этих заквасок, этих концептов, традиций, благодаря которым может появляться все новое. И здесь мы подходим к понятию закономерности появления новшеств в жизни человека. Мы можем утверждать, что наука закономерна развивалась, и определенные знания появились именно в определенные эпохи, потому что человечество уже к этому было готово в силу своего цивилизационного развития. Мы говорим о закономерностях в искусстве – ведь не просто так появляется то или иное направление. Они тоже имеют свою закономерность исторического развития. Это все не стихийно и не случайно. Тоже самое мы можем отнести к любым новшествам, в том числе и к новым идеям, внешним формам человеческой жизни, в том числе и к новшествам в культуре. Но благодаря чему появляются эти новшества? Благодаря тому, что есть основание, есть концепт, есть точка отсчета. Как только ее не будет – все развалится. Мы сейчас не говорим о многоликости религиозной традиции. Но мы говорим, в принципе, о том, что религия сохраняет концепт традиции, понимает

и интерпретирует его правильно, может его передать, в том числе, и по наследству, из поколения в поколение. И не нужно думать, что мы сейчас все разрушим до основания, а затем... У нас уже были такие примеры в истории – разрушалось, а потом все по той же самой схеме, в тех же самых формах и делалось, копировалось.

Говорили, что Бога нет, а на самом деле создавали новую религию. Это же глупость. Если ты заявляешь, что Бога нет, тогда и живи так, как будто Его нет – тогда убирай все идеалы, все авторитеты, не настаивай на том, что все должны тебя слушаться. Ты разрушил авторитет, разрушил традицию – все, тогда хаос начинается. Но любая революция ведет к чему? К террору, к жесткой организации, к провозглашению новых идей, определенных стереотипов, в том числе, и в культуре. Никакая традиция, кроме религии, не способна сохранить те идеологии, которые дают возможность человечеству развиваться. То есть, мы развиваемся благодаря традиции.

А если рассматривать религиозный консерватизм с точки зрения строгости именно правил? Насколько они мобильны под влиянием современной культуры (либеральной, допускающей нарушение правил)? Что с религиозными правилами и традициями происходит?

Я думаю, что религиозные правила (если мы говорим о правилах жизни, а не об уставах или обрядах внутрицерковной жизни) можно сравнить со следующим: есть правила для любого родителя в отношении воспитания своего ребенка. Нельзя ребенку пихать пальцы в электрическую розетку – его ударит током. Это правило в каком случае может не работать? Если розетка бутафорская? Или, если отключен ток? А так, любой родитель знает, что ребенку нужно рассказать о том, что розетку трогать нельзя. Когда может измениться это правило? Когда придумают безопасные розетки, которые током не ударят. Тогда можно будет что угодно с ней делать, она все равно безопасна. То есть правило воспитания не то чтобы изменится, оно просто перестанет быть актуальным и трансформируется – будут другие правила обращения с электричеством. Но суть не изменится – мы учим обращению с электричеством, но просто формы меняются.

Я бы сказал, что религиозные правила в нравственной жизни достаточно универсальны. О чем говорит религия? Небезопасно общаться со злыми силами, которые существуют. Есть, конечно, такие смельчаки, которые провозглашают религию сатаны, совершают черные мессы. Им

нравится, им «прикольно» обращаться к темным силам. Но ведь они доприкалываются до негативного состояния, до определенной точки, это же не безопасно. Религия говорит, что здесь должна быть безопасность – нужно себя вести определенным образом, чтобы эти силы не разрушили тебя. Ведь чем они опасны? Они разрушают не столько внешний мир и телесность, но они способны разрушить духовную сферу, причем так, что уже в Вечности тебе места не будет (если мы, конечно, верим в вечную жизнь).

А если мы говорим о правилах, типа «платочки и джинсы», надеюсь, вы прекрасно понимаете, что эти правила не временные, а временные – они обусловлены определенной бытовой культурой, которая может трансформироваться и меняться. Ведь смысл не в том, что сегодня современная девушка, зайдя в храм, должна надеть платок, здесь подчеркивается, каким человек внутренне предстоит перед Богом. Если сегодняшний человек способен без покрытой головы или в шортах с правильным внутренним ощущением, чувством, устремленностью, предстоять перед Богом – то, естественно, Церковь примет другую форму и увидит новую грань традиции.

В русском Православии, например, не принято танцевать в храме. Но Церковь же не говорит, что нельзя устраивать балы, она даже не говорит, что дискотеки – это очень плохо. Вот то, что на дискотеках происходит, за пределами танцпола, ближе к туалету – это плохо.

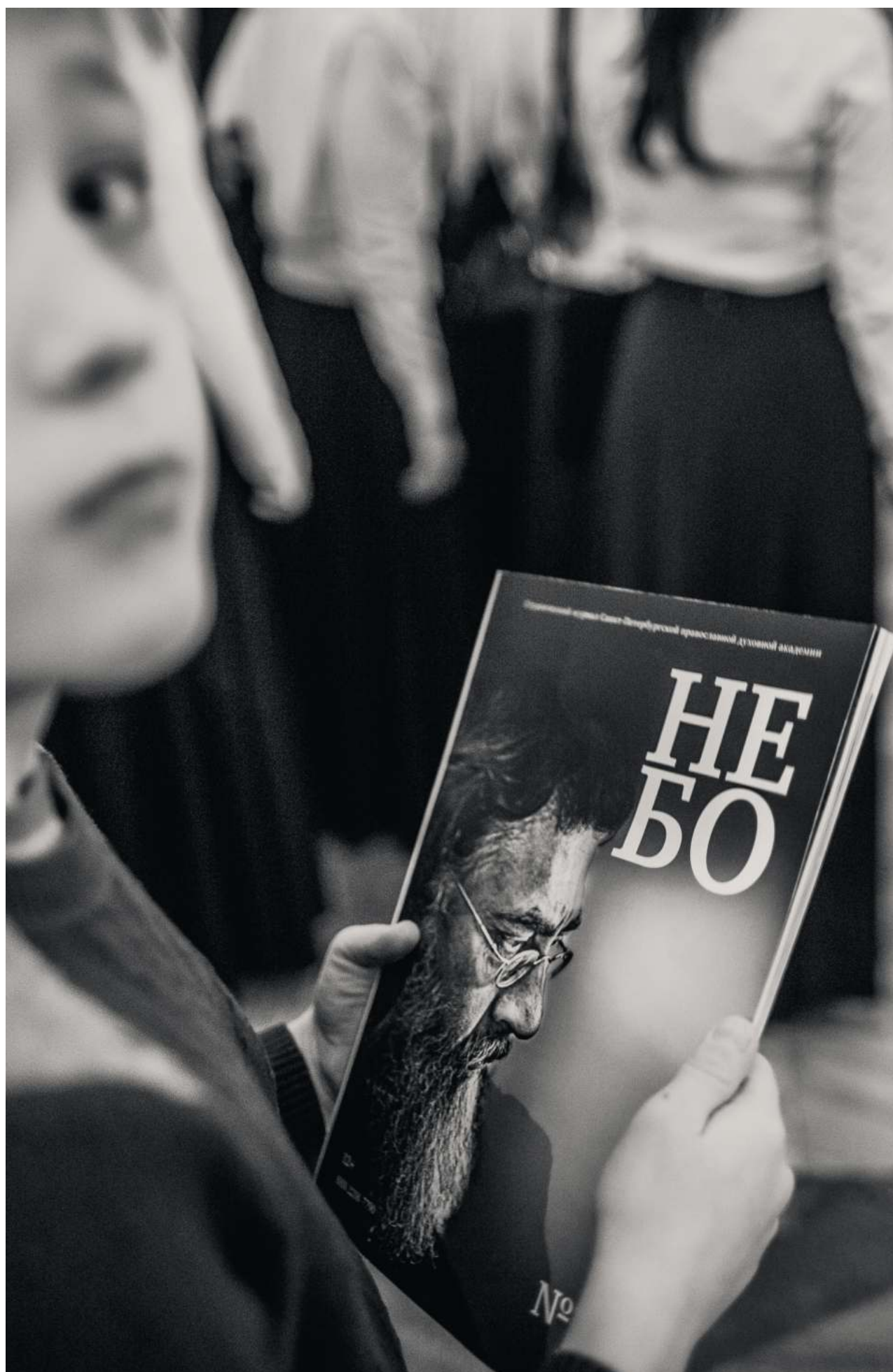
А если мы берем традицию африканского Православия – там наоборот: во время богослужения танцы не то что возможны, они даже необходимы как элемент богослужения. Но вопрос ведь не в том, можно танцевать или нет, вопрос в том, для чего это делать. Точно такой же вопрос – для чего мы надеваем или не надеваем платок. Если внешняя форма нас настраивает на внутреннее чувство, то лучше соблюдать эту внешнюю форму. Но, если у нас есть внутреннее чувство, и внешняя форма уже, в данном случае, не имеет значения, тогда Церковь способна изменить эту внешнюю форму, но суть происходящего останется той же самой.

То есть, если мы говорим о внешних правилах, то они обусловлены определенной конкретикой какого-то периода времени.

О МИССИИ

Во все времена Церковь миссионерствовала. А как осуществляется миссия Церкви в современном мире?

Это в природе Христианской Церкви – нести и осуществлять свою миссию. Потому что она призвана к тому, чтобы слова и волю Бога об этом мире раскрыть для каждого, кто в этом нуждается, и кто этого желает. Церковь является

проводником божественной воли в этом мире, и, если она не будет это обозначать, если она не будет говорить и действовать в этом направлении, то тогда она не будет оправдывать своего предназначения.

Прежде всего, миссия заключается в проповеди. То есть, в передаче всего того, что сам Господь оставил своим ученикам, а значит, и всем христианам. Мы являемся передатчиками Его слов, Его последователями, свидетелями правды, которую провозгласил сам Господь. Если мы проповедуем своей жизнью, правильными делами – это уже часть миссии Церкви. Как только Церковь перестанет осуществлять миссию, как только она закроется от внешнего мира, тогда она прекратит свое существование в том качестве, в котором мы привыкли ее видеть – как богочеловеческого организма. Поэтому, несмотря на все трудности, даже несмотря на всезнайство человечества, миссия Церкви будет осуществляться. Многие светские люди сегодня воспринимают миссионерство как что-то настойчиво навязчивое. Как все-таки правильно с людьми о вере и о Церкви говорить, чтобы не отпугнуть излишним упорством?

Для меня это вопрос сложный, потому что я общаюсь и со школьной аудиторией, и со студенчеством, и со взрослыми, и как священник в храме с разными людьми и в разных ситуациях. Сложно определить единый критерий миссионерства. Во-первых, все очень индивидуально. А во-вторых, вся система нашей общей коммуникации должна меняться — и тогда поменяется язык Церкви в диалоге с современным человеком. То, что сегодня Церковь не так, как хотелось бы, доходчиво, понятно общается с современным человеком – это не только лишь проблема Церкви. Это, в принципе, проблема современной коммуникации. Проблема поколений у нас обострена как никогда; Тургенев, наверное, не мог даже помыслить о том, что у нас между отцами и детьми происходит. Проблема взаимопонимания между разными общественными организациями, как мне кажется, вообще нерешаема. Ведь сегодня главный тезис во всех дебатах — «каждый остается при своем мнении». Я не против свободы мнения, но я считаю, что абсолютно непродуктивно разговаривать друг с другом только для того, чтобы лишь выкрикнуть свое мнение и не прийти

к общему знаменателю. Только общее, единое мнение способно нас продвинуть на следующий этап нашего социального развития. Это проблема не только церковной коммуникации, это проблема вообще глобальной коммуникации внутри нашего общества. Вот, когда мы станем друг с другом разговаривать, руководствуясь другими принципами, когда мы захотим найти единое мнение относительно того, как мы живем и как нам развиваться – только тогда голос Церкви сможет быть услышан более продуктивно, и только тогда Церковь найдет правильные слова для своей миссии. Сейчас, наверное, это все лишь в состоянии поиска. Одна из миссий Церкви — это сохранение и возрождение традиций, среди прочего, и культурных. Но что на что влияет в паре «культура-религия» и что чем управляет?

Этот вопрос действительно для многих сегодня является спорным. Сейчас существует мнение, что религия – это часть культуры. Но я всегда спешу озвучить другую версию – культура как производное от религии, а не наоборот. Если мы возьмем древние культуры — они не мыслимы без мистической, религиозной, духовной составляющей. Получается, что все древние культуры в разной степени сопряжены с духовными переживаниями, с мистическим опытом, с религиозным поклонением. Если мы будем говорить о культуре в глобальном смысле, мы будем видеть стержнем этой культуры духовной знание, религиозные обычаи, богословское мировоззрение. Я не согласен с утверждением, что религия – это часть культуры. Если мы действительно будем обращать внимание на внешние, материальные носители в культуре, тогда религия может показаться мифом, являющимся одним из сюжетов культурной составляющей. Но, если мы посмотрим, на чем эта культура начинала свою жизнь, на чем она формировалась и как развивалась, то мы увидим, что в основе мировоззрения носителей этой культуры было именно религиозное знание. В качестве примера можно представить картину на религиозную тему. Это – способ художественного выражения, основанный на религиозном понимании, а не религиозный сюжет, который используется в живописи как часть глобальной культуры. То есть, говоря проще, не религия нужна для того, чтобы были религиозные картины, а религиозные картины создаются потому,

что есть религиозная культура. Поэтому именно культура – это производное религиозного мировоззрения.

ЦЕРКОВЬ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Последние несколько лет Церковь стала очень активной в общественном информационном поле. С чем связана такая активность и помогает ли она достигать поставленных целей?

Присутствие Церкви в информационном пространстве – благо, потому что важно, чтобы было услышано мнение Церкви. Те люди, которые утверждают, что Церкви не надо лезть в общественную жизнь, тем более на высоком государственном уровне себя проявлять — это представители небольшой группы людей. Если мы спросим у людей на улице, то в большинстве своем, они с уважением относятся к традиционной религиозной культуре в России, и они готовы услышать и узнать, что происходит в этой культуре. Поэтому присутствие Церкви в современном информационном пространстве вполне объективно. Вопрос о том, насколько это происходит грамотно, насколько компетентны спикеры от Церкви, насколько они не вызывают негативных реакций со стороны слушателей. Этот вопрос очень важный. Поэтому задача Церкви — готовить грамотных, компетентных, умеющих общаться с большой аудиторией спикеров. Сегодня этим у нас занимаются, в том числе и духовные школы, уделяя внимание разным способам коммуникации, но нужно время, чтобы эти люди не только научились, но и обрели какой-то опыт.

В силу определенных процессов, связанных с информационной политикой, конкуренцией в сфере информации, чаще всего, конечно, мы слышим негативные отзывы о деятельности представителей Церкви. Конечно, они сами виноваты во многом, но почему именно черные истории, прежде всего, высвечиваются в СМИ? Почему не говорится о том, что тот же самый священнослужитель, который, может быть, попался

представителю ГИБДД на дороге, не совершив ничего особо криминального, создал благотворительную столовую у себя на приходе, организовал бесплатную воскресную школу для детей из детских домов? Там с этими детьми занимаются, их кормят, а еще они там новых друзей находят, что позволит им социально адаптироваться и не быть в последствии аутсайдерами общественной жизни. Ведь сегодня Церковь более открыта, чем любые другие социальные институты, она помогает людям во многом.

Вот этот негатив, который дается в СМИ о жизни представителей Церкви, к сожалению, портит все остальное информационное присутствие Церкви. Именно поэтому пока существует такой расклад – 50/50. Нам бы, конечно, хотелось, чтобы положительный результат деятельности Церкви был представлен в информационном пространстве полностью.

В обществе не раз обсуждались ситуации, когда во время крупных церковных событий, некоторые корреспонденты, не разбирающиеся в церковных вопросах, в своих репортажах говорили много глупостей. Как вы к этому относитесь, как с этим бороться и нужно ли вообще бороться?

Если мы обратим внимание на то, как журналисты освещают другие события, другие сферы жизни, мы тоже заметим, что они делают ошибки. Но также я сталкивался и с такими ситуациями, когда за несколько дней до съемок журналист начинает готовиться – читает определенную литературу, спрашивает, интересуется и консультируется. Чаще всего новости делаются быстро и у журналистов нет времени тщательно подготовиться – ладно, если перепутали имя или священный сан, это еще не так страшно. Но иногда путаются смыслы, белое называется черным – и это ужасно. Наверное, здесь нужна определенная компетенция, которую, возможно, необходимо давать будущим журналистам в рамках их обучения в ВУЗе. Все-таки религиозную

культуру изучать нужно, и школьникам, и студентам. Тем более, в России без православной культуры невозможно. К сожалению, сегодня профессионалов, погружающихся в процесс и знающих хорошо журналистское дело, не много. И со стороны Церкви не так много профессиональных журналистов, как хотелось бы, и со стороны светского сообщества не так много знающих православную культуру. Я думаю, что это взаимный процесс, и избежать его можно только с помощью обучения. Может быть даже будущим священнослужителям в семинарии не плохо было бы изучать основы информационной деятельности, основы журналистики – как преподносить себя, свои дела и концепции в информационном пространстве, этого тоже не хватает. Мы должны уметь разговаривать на том языке, на котором нас понимают.

А вторым моментом, ликвидирующим такие изъяны, могут быть совместные встречи и планирование проектов. Например, если задумано церковное событие – то почему бы журналистам не подключиться на подготовительном этапе, а не в последний момент? Прийти в сам день мероприятия недостаточно для правильного преподнесения информации. Придите пораньше, узнайте особенности, спросите, где, когда и как правильно осветить событие, где встать, что показывать и так далее. Нам просто не хватает диалога, не хватает компетентной подготовки и грамотного взаимодействия.

Чтобы светские СМИ приходили на церковные мероприятия, они должны быть, прежде всего, интересными. Чем церковные события могут быть интересны светскому обществу?

Если мы говорим в контексте сегодняшней темы, то это, прежде всего, события в области культуры. Я глубоко убежден, что, если бы деятели культуры и люди, освещающие эти культурные события, были бы погружены в религиозную традицию, то многие произведения музыки, живописи и других сфер искусства воспринимались бы совершенно иначе. Если бы они знали основы духовной культуры, религиозную проблематику, все было бы по-другому, потому что она просто сквозит в большинстве произведений искусства, даже, если взять современное искусство. Даже, если оно основано не на выражении духовной реальности, а, наоборот, позиционирует себя как противление

этой реальности. Все равно нужно понимать, чему противится данный художник, или о чем вопиет данное произведение искусства. То есть, когда мы действуем от противного, мы должны знать, в чем заключается это «противное».

Я всегда подчеркиваю, что советское государство не могло бы существовать, если бы не было Церкви, потому что главный пафос советского государства – это сопротивление религиозному, гонение на Церковь. То есть они людям давали новую идеологию – безбожную. А если бы не было «Божной» идеологии, то против чего бы тогда выступала советская власть? Также и в искусстве. Уже не говоря о том, что многие произведения сегодня затрагивают духовную проблематику. Если бы люди, освещающие современную духовную жизнь, понимали эту проблематику, то для них произведения искусства были бы намного интереснее и намного значимее. Если бы мы понимали глубинные смыслы, мы бы интереснее их преподносили.

Я против поверхностного взгляда. Я понимаю, что журналистский репортаж – это не кандидатская диссертация, но он может быть более глубоким, более интересным, более трогающим чувства, эмоции и умы людей.

О ЛИБЕРАЛЬНОСТИ

Чуть раньше в нашей беседе мы говорили о либеральности. Вы, как человек церковный, как священнослужитель, как относитесь к либерализации современного общества? Является это благом или злом?

Если либерализм у нас принимают как обретение свободы политической, интеллектуальной, религиозной — то это, конечно, достижение человечества. Но, если мы говорим о либерализме как о вероломном провозглашении определенных либеральных «ценностей», когда они навязываются нам, когда они абсолютно нетрадиционные, с точки зрения религии, то это не приемлемо. Любые новации могут и должны появляться в обществе, но на основе традиционного концепта, без которого человеческая жизнь развалится. Поэтому

либерализм как пропаганда безнравственного образа жизни никоим образом и никогда не будет приветствоваться представителем Церкви и вообще верующими людьми, а либеральные ценности, с точки зрения обретения свободы, не то, что должны поддерживаться – это, в принципе, те ценности, о которых всегда говорила Церковь и говорило Христианство. Сам Господь говорил о свободе – свободе от зла, а не свободе друг от друга или от закона. То есть, важно понимать, какой именно либерализм мы провозглашаем.

Говоря о современной культуре и присутствии либерализма в ней, хочется спросить про непосредственный контакт христианства и культуры – про продукты искусства, которые посвящены событиям христианской культуры. Как вы относитесь, например, к современным театральным постановкам на библейские сюжеты, которые стали в последнее время особенно популярными?

Вопрос вольных интерпретаций библейских, церковных событий достаточно сложный и всегда вызывал много споров, противоречий. Но я думаю, что все зависит от нравственного уровня как автора произведения, как его исполнителей, так и зрителей. Я имею в виду нравственный уровень в широком смысле этого слова – когда человек не только сам ведет себя в жизни подобающим образом, но и с уважением относится к традициям, к чувствам другого человека, не только религиозным, а всевозможным, в том числе, и обычным – житейским, человеческим, которые мы тоже должны беречь.

И вот, если подобное нравственное основание есть у автора произведения, пьесы, у режиссера постановки, у актеров, то даже возможные домыслы (непорочающие сути того, о чем говорится, не вызывающие негодования у людей традиционно ориентированных в этом контексте

– в данном случае мы говорим о религиозном сюжете) действительно могут восприниматься достаточно спокойно как авторская версия. Но авторская версия, не полностью меняющая традиционное представление о каком-то библейском сюжете, а дающая возможность расширить это представление, сказать о том, что действительно могло быть до или после, или дающая возможность некоего толкования. Но с толкованиями тоже нужно быть очень осторожными. Например, в церковной истории существует традиция толкования библейских текстов, и если человек берется за эти тексты, то, желательно, чтобы он все-таки эти традиции учитывал. Нельзя вырывать из этой традиции – нельзя все сломать, все нарушить и думать, что тем самым ты скажешь новое слово в искусстве. Это всегда будет вызывать негатив у верующего сообщества безусловно.

Не всегда верующее сообщество может выразить свое мнение – например, кто спрашивал верующих в 1917 году, что нужно разрушить все устои и все традиции, которые были тогда в православном государстве? Никто не спросил, но, тем не менее, у них было свое представление и свое мнение относительно того, что можно, а что нельзя менять в обществе. Так и здесь: всегда у верующих людей есть иммунитет на всяческие извращения библейских текстов, на неправильное понимание церковной традиции. И вот, если это извращение встречается в современных постановках, то, конечно же, люди моментально на него реагируют. Если это кому-то нравится – ну тогда таким людям, наверное, нравится, когда издеваются над другими людьми, когда опошляют человеческие отношения, когда нагло извращают факты, может быть, не связанные лишь только с религиозными сюжетами. Я думаю, что в данном случае, для таких людей религиозный сюжет – это просто лишь один из поводов позлословить или порассуждать подобным образом на разные темы. Потому что сегодня человек испытывает какое-то невероятное наслаждение не иметь внутри себя никаких табу, никаких запретных тем, никаких уважительных эмоций – потому что он может все критиковать, может все разрушать, он может делать все, что он хочет. Но это уровень воспитания, это уровень нравственный, это уровень культуры. Мне кажется, что здесь вопрос не в личном отношении к религии – потому что иногда и верующие люди могут

заблуждаться, вольно интерпретируя религиозные сюжеты.

У нас, даже на примере того же кинематографа, есть положительные примеры, есть отрицательные. Берем мы Мела Гибсона «Страсти Христовы» – положительный пример. Но там ведь тоже – трактовка, хоть и близкая к Евангелию, но не всегда соответствующая православной традиции. Но, тем не менее, православные люди совершенно спокойно воспринимают этот фильм с интересом, он даже является настраивающим определенным образом на размышление о Евангелии.

Или же мы берем Дена Брауна и его литературное произведение и телеверсию «Код да Винчи» – где полностью извращается христианская традиция, как будто бы специально провоцируя христиан на спор – а на самом деле спорить-то не о чем. И этот вызов он не должен нами, христианами,

восприниматься, не нужно даже вообще на это реагировать.

Что преследовал автор, какую цель? Зачем он создавал эту провокацию – непонятно. Естественно, это вызывает неприятное впечатление, и комментарии представителей христианского сообщества будут негативными, безусловно. Если еще брать российский кинематограф, то, например, фильм «Остров», считающийся в последнее время одним из лучших на религиозную, духовную тему, для кого-то кажется скучным. А фильм «Монах и бес» интересный, смешной, занимательный, в том числе, и для верующих людей, но, с моей точки зрения, хоть он и имеет лексику достаточно приближенную к церковной – абсолютно пустой, ненужный и никчемный фильм.

В театральном мире все то же самое. Помните, недавняя нашумевшая история – «Иисус Христос – суперзвезда» – ну зачем возмущаться против того, что

эту рок-оперу, а лучше сказать мюзикл, поставили на театральной сцене? Давайте возмущаться против самого автора тогда, давайте возмущаться против постановок еще в 70-е годы этого музыкального произведения. Давайте тогда говорить, прав ли автор в том, что он там показывает и о чем он там говорит. Ну, а если это произведение уже достаточно плотно вошло в театральный репертуар, зачем тогда устраивать акции против того, чтобы этот мюзикл шел в том или ином театре?

Но, если мы берем уже постановки, где явным образом в виде декораций, в виде костюмов героев идет кощунственная тема в адрес священных для христиан символов, святых людей, высоких тем, ну тогда пускай авторы будут готовы к негативной реакции верующего сообщества. Иногда, как я уже говорил, эта реакция может быть и видимая и очень ощутимая – в виде пикетов, статей. Конечно, приветствовать насильственное изгнание подобных постановок в виде каких-то побоев или разгромов, наверное, я не могу, как священнослужитель, но считаю, что авторы должны учитывать, что такая реакция может быть, и, если они надеются на интеллигентность возмущающихся подобным кощунством людей, то они, прежде всего, сами должны в себе эту интеллигентность иметь. А вот уже давать ли возможность этим людям высказываться на театральных площадках – это уже прерогатива государства. Если государство у нас ориентируется на христианские ценности, то, наверное, подобные постановки должны иметь соответствующую оценку и со стороны культурного сообщества, и со стороны людей, ответственных за сферу культуры в нашем государстве.

Говоря о культуре, нельзя не спросить о том, какое воздействие и какой смысл имеет посвящение конкретного года определенному святому или какому-то событию? Какой эффект Церковь ждет от этого?

Я считаю, что это достижение современной жизни российского общества, когда значимому, с исторической и духовной точки зрения, событию или лицу, связанному с Христианством, уделяется много внимания и посвящается много проектов в течение года. Конечно, жизнь от юбилея к юбилею – это немного наследие прошлого, потому что мы о каком-то человеке вспоминаем только тогда, когда ему стукнуло сто лет. Это, конечно, неправильно, потому что нужно всегда об этом помнить. Но, здорово, что юбилейным событиям и датам, которые мы можем осмыслить через духовную культуру, придается особое значение и уделяется столько внимания.

Я считаю, что эффект от этого максимальный. На примере Санкт-Петербургской епархии мы можем сказать, что, допустим, события юбилейного года преподобного Сергия Радонежского до сих пор, вот уже несколько лет, отражаются на культурной жизни нашего города. Те проекты, которые были, зафиксированы на разных носителях, их до сих пор можно найти в интернете, увидеть, как жизнь Сергия Радонежского освещалась, так сказать, светским языком. И он для нас, спустя семьсот лет, предстал в новом образе, неведомом ранее, но очень понятном, доступном для каждого: и для малыша, и для взрослого человека, пережившего советскую эпоху, и даже для иностранца. И люди имя Сергия Радонежского оставили в своем сердце надолго, и в какой-то кризисной ситуации они о нем вспомнят, и он им поможет. Именно благодаря таким юбилейным годам, благодаря этим проектам, которые поддерживались государством, улучшается духовно-нравственное состояние общества.